

НИКА КАИРАМИ

ЛЁД
МОИХ ДИКИХ
СНОВ

ЧУЖАЯ ВОЙНА

Когда я убеждал себя в том, что мне нечего терять, я и помыслить не мог, что что-то всё-таки осталось. Большое и незримое, что не давало мне перешагнуть черту.

Человечность.

Это было она. Но сегодня я и её лишился.

Лишился подле того, кому она вовсе не была знакома.

Должно ли это меня успокоить?

Успокоить, когда за стенкой лежат двое моих друзей в "черном тюльпане", ещё утром ходившие по этой земле.

Война.

Я в полной мере осознал, что у этого слова был солоноватый привкус железа. И бешеная боль потери и безысходности. Понимание собственного бессилия, когда на

твоих глазах убивают невинных ребят. И лучшее, что ты можешь сделать — убить в ответ.

Король октагона

”Я заплатил сполна за эти годы. Жизнь

Без счастья и без сна — лишь эпизоды

Вниз от облаков до дна. Не понимаю, где

Ну где моя весна? Чем они ближе,

Тем страшней её цена....,,

Кирилл Катранов.

Весна. 2013 год.

Сегодня точно не мой день.

Эта мысль закралась в мою голову, когда меня вынесли с ринга. Стоило бы задаться более насущными вопросами. К примеру, какого черта произошло в октагоне? Почему тревожные звоночки, отвечающие за самосохранение, в этот раз дали сбой?

— Что ты творишь, Архип? — прорычал Рустем, влетев в кабинет. Его мельтешение перед глазами принималось мозгом как-то заторможено. Словно пленку поставили на быструю перемотку. Он то возникал в одном углу, то резко оказывался сидящим на стуле.

— Он сейчас коньки откинет, босс, — подал голос один из своры его верных шавок.

— Где, мать вашу, Костоправ?

— ... хреново, одним словом. В больницу надо везти, — голос Костоправа вырвал меня из пелены бессознания и вновь погрузил обратно.

В другой раз я очнулся уже от истерических криков.

— ... так не может продолжаться вечно! Я устала. Ты слышишь, Архипов? Я устала! От тебя и всего этого дерьма!

Я перевел взгляд влево.

Вера.

Едва ли не билась в припадке у больничной койки.

— Что ты молчишь? Тебя снова чуть не убили! Ты мне обещал. Обещал же... — Она обессиленно опустилась на стул, выкрашенный голубой краской. — Это уже второй раз за три месяца. Чего мне ждать дальше? Что тебя однажды в гробу домой внесут?

— Девушка, прекратите орать. Ему сейчас прописан полный покой.

— Да плевать.

— Идите плюйте в другом месте. Я сейчас главврача позову.

— Знаешь, мой милый, с меня довольно. Хочешь подышать, подыхай один.

На тумбочку упала связка ключей. Звон на секунду парализовал мозг. Вера ушла. А в мое тело вернулась боль, вновь погасив сознание.

Глава 1

Вернувшись в квартиру по выписке из больницы, обнаружил одну лишь тишину.

В комнате, где мы с Верой обитали, царствовал немислимый бардак. Все мои вещи валялись на полу в крошках стекла. Зеркало напротив кровати было разбито. Окно распахнуто настежь.

Всю неделю шли дожди и обои, которые она выбирала с особой придиркой, стали отваливаться. На стене под окном начала обживаться плесень.

Вера.

Она ушла.

Мысль стрельнула в сознании и тут же испарилась, не оставив от себя и следа.

Некоторые её вещи все ещё присутствовали в квартире, значит, ушла не навсегда.

Разбираться с бардаком, а уж, тем более, с сыростью в комнате, у меня не выявилось никакого желания. Я все ещё чувствовал себя из рук вон плохо.

Хоть мать, заглянувшая ко мне в палату несколько дней назад и сказала, что у меня банальное сотрясение мозга, я не был склонен ей верить. Сотрясения у меня были, я знаю, что к чему. Но так хреново мне после них не было.

Врач переливать с пустого в порожнее не стал, сказал прямо и по существу. Ещё одно такое попадание в яблочко и меня могут смело везти в морг.

— Завязывай, парень, пока жив, — такие были его слова.

Завязать можно, если дело касается пьянки. Если же дело касается серьезно заинтересованных в тебе больших дядях, то ты завяжешь только петлю на своей шее, если решишь уйти.

Времени на передышку Рустем дал не много. Но, гробить себя по его прихоти я не собирался. Хочет сохранить за мной статус лучшего бойца — пусть выкручивается перед дядями сам.

Второй проигрыш.

На моей безупречной репутации, он проявился небольшим черным пятном.

Стало быть, я недостаточно... Недостаточно подготовлен, недостаточно силен, недостаточно целеустремлён.

Второй, за всю мою карьеру в октагоне, проигрыш. Он вернул меня на землю, с которой я, казалось, давно уже потерял связь. Если все это продолжится в том же духе, я действительно рискую оказаться на трупно-разделочном столе под любопытными взглядами патонатов.

— Рано, — выдохнул я, засунув руку в карман джинсов. Покосился в зеркало в прихожей, вскользь отметив насколько хреново выгляжу. — Рано стали сводить со мной счёты, господа хорошие.

Выбравшись в подъезд, не церемонясь подолбил кулаком в соседнюю дверь. Мышиная возня донеслась с коридора спустя две минуты. Щёлкнул замок и в проёме показалось лицо Валерона.

— А, Архип. Чего тебе?

— Кофе не найдется?

— Дверью не ошибся? Магазин на улице.

Оценив мое нынешнее состояние, сосед высунулся из-за двери по пояс,

продемонстрировав слащавое телосложение.

— Не зли меня, пока я добрый, — предупредил, выпустив сигаретный дым в его сторону.

— Валер, ну ты скоро там? — Капризно тянущиеся гласные резанули по слуху.

— Сейчас приду.

— Очередная блядища? Завязывал бы, Валерон, испытывать мое терпение. Я не Минздрав, предупреждать больше не буду.

— Архип, ты реально не вовремя.

— Не вовремя — диарея во время секса. Так что там с кофе?

Бросив на меня последний косой взгляд, парень вернулся в квартиру. Через минуту вытащил банку дешёвого кофе. Всучив мне в руки, хлопнул дверь.

Заварив пойло покрепче, уселся на табурет, привалившись к стене. Ожил мобильник.

Не вовремя. Она всегда даёт о себе знать не вовремя.

— Как ты там?

— Не сдох пока, тому и рад.

— Ты можешь хоть раз со мной поговорить нормально?

— А смысл? От этого я лучше в твоих глазах не стану. Или я ошибаюсь?

— Не ерничай, пожалуйста. У меня нет сил терпеть твои препирательства.

— Зачем тогда звонишь? Проблемы у Андрюши?

— У тебя проблемы.

— Я свои проблемы решаю сам.

— Алиеву прострелили череп.

Новость заставила меня выплюнуть кофе обратно в бокал.

— И?

— Удалось спасти. Не было бы у меня обязанностей, братья бы за это не стала.

— Думаю, он в долгу не останется. Озолотит ручку блестящего хирурга.

— Завязывай, Дима. — Она не обратила внимания на мой сарказм. — Пока это не коснулось и тебя.

— А что, меня не спасёшь? — Поинтересовался с кривой усмешкой, рвущейся на лицо.

— Я тебя как мать прошу. Завязывай. Это уже переходит все границы. Ты сам знаешь, во что ввязался?

— Не переживай, моя смерть на твоей совести не останется.

Она ещё что-то сказала, но я, не слушая, скинул вызов. Нравоучения. Упрёки. Обвинения. Слушать все это было выше моих сил. Хотелось тишины и покоя. Но о каком покое сейчас могла идти речь?

Сейчас, когда меня застали такие известия. Кому перешёл дорогу Рустем — я не знал. Но, вопящее внутри шестое чувство, вогнавшее в тело шпильку напряженности, подсказывало, что ничем хорошим это не закончится.

— Твою ты мать, — протянул я, неосознанно сжав в кулак подвернувшуюся под руку салфетку.

Влипать в ещё большее дерьмо я не хотел. Но прекрасно понимал, что, сам того не желая, уже влип.

Старый шакал. Знал бы, во что выльется такая забава, триста раз бы подумал, что лучше — получить реальный срок или подышать по прихоти вышестоящих над своей головой в этом богом забытом октагоне.

Глава 2

Попытки что-либо разузнать не увенчались успехом. О случившемся никто трепаться не хотел.

— Отлежись, Архип. Не суйся сюда, пока ничего не ясно. Рустем сам с тобой свяжется. Если богу душу раньше не отдаст. — Единственный дельный совет от Костоправа лишний раз заставил меня увериться, что дело — дрянь.

.....

— Да, братуха, влип ты конкретно...

— Влип конкретно не я.

— Как череп? Мозг на него не жмёт?

— Пока справляюсь. Верка ушла, правда.

— Да черт с ней. Перебесится. Сейчас бы самому на ногах остаться. Слышал, там ещё кого-то из Алиевских замочили. Повезло тебе в больничке отлежаться.

— Откуда инфа, Малой? Я вообще ничего не знаю.

— Тусовка, сам понимаешь. А если серьезно, Димон. Мутное это дело. Дошли слухи, что Вардан валить собрался. Остальные тоже мало-мальски теряются. Не знаю, брат, я бы на твоём месте тоже свалил куда-нибудь на время.

— Поздно пить боржом, когда почки отлетели.

— Радуйся, что мозги в черепе остались.

.....

Едва я вышел со двора, продолжая в мозгу вертеть известие от Малого, путь мне преградил большой тонированный джип. Из него вылезли двое. Бегло оглядевшись вокруг, впились в меня безэмоциональными взглядами. Крепкие ребята. Два быка.

— Архип?

Привычно запустив руку во внутренний карман ветровки, проследил за тем, как один из них отзеркалил моё движение. Только в отличие от меня, его пальцы легли на кобуру, а не на помятую пачку.

— Ну, Архип.

Чуть склонив голову набок, прошёлся по ним прищуренным взглядом.

— Садись. Тебя ждут.

Вытащив зубами сигарету, прикурил, лениво выпустил дым в сторону.

— Кто?

— Вардан поговорить хочет.

Чертыхнувшись про себя, сделал последнюю затяжку и вышвырнул сигарету в сторону.

Миновав развалины так и недостроенных домов, машина вылетела за черту города. Быкоподобные детины привезли меня в закрытый частный сектор и высадили у шикарного особняка, по двору которого гуляли мощные сторожевые псины.

— Проходи, Архип. Собачки хоть и злые, да умные. Без хозяйской воли не тронут.

Вардан в домашнем халате лично вышел мне навстречу. В голосе не было слышно ни нотки угрозы, но в словах таилось тихое предупреждение. Явно касающееся не только собак, но и остальных его подопечных.

— Проходи. Уважь старого друга.

В холле богатого дома было холодно и безлюдно. Наши шаги эхом отдавались в

просторном помещении. Весь путь до кабинета испещрялся антиквариатом и дорогостоящими безделушками. Со вкусом, но без надобности. Сам кабинет в восточной части дома был по-деловому прост и сер.

— Присаживайся.

— Чем обязан такой чести?

— Разговор у старика есть. Вряд ли отниму им у тебя много времени. У тебя его вагон и маленькая тележка. Не чета мне.

— Чего ты хочешь?

Опустившись в кресло напротив меня, он буквально вьелся в меня внимательным взглядом из-под прищуренных в восточном разрезе глаз. Сухое стареющее тело и слабые на вид, покрытые морщинами руки могли обмануть кого угодно, но не меня. Я знал, сколько в них сохранилось силы. Достаточно для того, чтобы растереть в пыль, сохранённую ими же когда-то жизнь. Мою собачью никчемную жизнь.

— Меня всегда поражало твое бесстрашие. Слишком фривольно ты со мной держишься, малец. Не находишь?

— Ты сам признал за мной право на то, чтобы со мной считались, Вардан.

— Твоя правда. Но я могу его и отнять.

— Что я от этого потеряю? И в чем от этого выиграешь ты?

Тонкие губы плотно сжались. Взгляд из-под ершистых бровей стал серьезнее.

— Что потеряешь ты? Как минимум — жизнь.

Мой прямой взгляд заставил его дернуть уголком губ.

— Ты — степной волк. Мало чего в тебе от человека, Архип. Волка и сворой собак не пугаешь, он смерти не боится. Люди, что пытаются пленить такого волка, сами становятся пленниками своих иллюзий.

— Ты меня позвал о зверях потолковать? Извини, мало что о повадках волков знаю.

— О зверях? Нет, пожалуй, в другой раз. У меня к тебе другой разговор. Тебе ведь известно о том, что произошло?

— Смутно.

— Если в двух словах — делёжка территории. Для меня это место стало опасным. Я возвращаюсь на родину. Это известие не на шутку всколыхнуло моих, скажем так, компаньонов. Каждый выставил свою кандидатуру на мое место. Наивные шакалы. — Вардан позволил себе слабую усмешку. — Я выбрал Рустема своим преемником. С моим выбором мало кто согласился. Следствие этого конфликта ты видишь. Но ничего, у этого лиса большая жажда жизни, выкарабкается.

— А от меня ты чего хочешь?

— Хочу предложить тебе более выгодные условия. Рустем едва ли предложит лучше, а я знаю, на что ты способен. Октагон стал тебе уже слишком тесен. Пора выйти на другой уровень. Соответственно и доход совершенно иной.

— Хочешь меня купить?

— А ты готов себя продать?

— Денег не хватит. Моя жизнь дорого тебе обойдется.

— У меня не хватит, хватит у других. Поверь мне, мальчик, ты даже не знаешь, какими деньгами бросаются на моей родине. Но я могу твою жизнь просто отнять. Это не составит большого труда.

— Можешь. Но опять же, в чем ты выиграешь?

- В том то и дело, что ни в чем. Я предлагаю тебе сделку. Один бой. Реальные деньги. Это не тот тотализатор, к которому ты привык. Выстоишь — поговорим о большем.
- Ты считаешь, что мне так нужны деньги, что я куплюсь на твое предложение?
- А дело не в деньгах. Дело в моем интересе. Считай, что ты просто вернёшь мне долг.
- То есть, у меня изначально не было выбора? Умно.
- Выбор у тебя есть, я тебя его не лишаю. Хочешь — откажись. Но, в таком случае, ты вряд ли отсюда выберешься. Примешь мои условия — живи дальше вдоволь.
- И какие гарантии, что ты меня отпустишь после первого боя?
- Мое слово — вот твоя гарантия. Думаю, до этого времени у тебя не было повода усомниться во мне?
- А что станет гарантом того, что я выберусь оттуда живым? С твоей родины, где раскидываются деньгами?
- Я — твой гарант. А ты — мой боец. Против меня там не пойдут, менталитет другой. Но и щадить тебя никто не станет. Ты там никто.

Глава 3

— Ты ведь сам понимаешь, дело — дрянь. Да и риск... Я не знаю, что тут можно сказать... — Малой в своем репертуаре, положив подбородок на кулак, развивал монолог уже около двух минут, активно жестикулируя второй рукой. Позволив себе пропустить несколько рюмок, пока мать на ночной смене и не может видеть, чем занимается гордость их семьи — подающий надежды актер малого театра.

— А проценты-то какие? Вардан попросту вряд ли стал бы так наседать, — поинтересовался Макс.

— Тридцать.

— Чего тридцать? Процентом?

— Зеленью.

Парни перевели друг на друга удивлённые взгляды.

— Боюсь даже поинтересоваться, сколько поимеет Вардан.

— Правильно делаешь, Макс, что боишься. Ни к чему это. Ни тебе, ни мне.

— И когда бой?

— Через две недели.

— Слушай, друг. А отказаться никак? Мутное какое-то предложение... Макс, ты хоть ему скажи, что ли?

— Отказаться, Малой — никак. Если только каком кверху.

— Э, дорогие мои, а вы ли не охренели?

В комнату Малого без стука ввалился его старший брат Юрец. Бегло оценив ситуацию и заприметив два пузыря на полу, он с прищуром уставился на нас.

— Слышь, Антоха! У них тут праздник.

На его громкий вопль в проем всунулось лицо ещё одного брата.

— Малой, ты ль не опух? Что за попойка? Бабы то где? Тебя спрашиваю! Бабы где?

— Валите на хрен откуда явились.

— Что обмываем, детишки? Диплом только летом.

— Предстоящий бой, — ляпнул Макс, за что получил от меня добротный пинок по ноге.

— А, Архипов. Не уймешься никак? — Юрец сразу же потерял всякий интерес к нашему сборищу.

— Видать, неплохой бой намечается, если с тремя-то пузырями, — весело прокомментировал Антоха. — И сколько сегодня на кону?

— Тридцатка капустой, — вновь отозвался Макс.

Антон задумчиво почесал затылок.

— Мало проставился, Архип. Гони за остальными пузырями.

— Не облезешь?

— Неа, Димон, не облезу. А где облезу — там обросту. Или зажал? Я ж тебе как брат родной.

— Брат родной мне поперек горла, а тебя я пока ещё способен терпеть. Осиль сначала это, а там уже и за остальным сгоняем.

— О, как! Видал, Юрец? Нас типа пригласили.

— А у них был выбор? — Неожиданно злорадно хохотнул Юрка, без лишних церемоний плюхнувшись на пол у импровизированного стола. — Ну, рассказывай, Архипов. Чего там за

бой? За такие-то бабки.

Через два часа, изрядно окосев, Юрец начал действовать на нервы, в точности повторяя манеру Малого с длинными, никому не нужными монологами. Антон слегка отъехал, но продолжал нудить про проставку алкоголем и сетовать на отсутствие баб. В комнате уже было нечем дышать от алкогольных паров и дыма сигарет. Почувствовав легкое головокружение, я выбрался на балкон. Спустя минуту туда появился и Юрец.

— Знаешь, Архипов. Хреново ты кончишь.

— Ещё один. Не лечи, Юрец, мне матери хватает.

— А что мать? Права твоя мать. Но я тебе сейчас по своей специальности парю. Сядешь ты. И бабки не спасут.

— Нашлись те, кто спас однажды. Спасут и ещё раз.

— Ага, разевай рот пошире. Вардан не идиот, чтоб подставляться. Чужими руками ведь тогда мел, а сейчас и Рустем в обороте. Завязывай, браток. К черту эти бабки.

— Да всё к черту, Юрец. Завязать не могу. Вардан не идиот, ты прав. Поэтому и выбора не дал. Либо бой, либо гранитная плита в ногах.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— Хреново.

— Хреново, — охотно подтвердил я, выпустив витееватую струйку дыма. — Так что не парь, Юрец. Запаренный уже.

— Но ведь есть же лазейки. Контракт хоть составь.

— Контракт на тотализаторе? — Против воли из меня вырвался хриплый рваный смешок. — Ты с мозгом в ладах, юрист долбаный? Да этим контрактом тебе только зад подотрут и в глотку по самое основание засунут. Не шути с такими дядями, Юрец. Себе дороже, — уже серьезно проговорил я.

— А если сдохнешь?

— Не сдохну.

— Так уверен в своих силах?

— Не уверен. Но какой Вардану прок от моей смерти? Он обещал протекцию. Значит, я ему ещё нужен.

— Сегодня нужен, завтра — нет. И что потом?

— Суп с котом. И банка с валерьянкой.

— Рисковый ты парень. Рад, что Малой хоть с мозгами.

— Я тоже рад.

— И как ты от этого дерьма отчаливать собираешься? Или так и будешь на Вардана с Рустемом пахать?

— Как отчаливать? Своим ходом, год за годом.

— Не по моей логике это всё. Ещё тогда, когда вы отоварили того товарища, я уже понял, что дерьмо будет какое-то. Так оно и вышло.

— Да всё в моей жизни дерьмо.

— А Верка как же? Свет твой в оконце.

Сказано это было с таким сарказмом, что мне сразу захотелось начистить его рожу. Юрец всегда говорил, что думал, в отличие от остальных, молчком строивших надменные рожи при виде Веры.

— Верка. А что Верка? И она ушла. Не выдержала.

— Ну, не удивительно. Такое дерьмо только ты в состоянии жрать в непомерных количествах. Как видишь, даже бабки не заставили ее разделять с тобой трапезу дальше.

— Лучше заткнись, — посоветовал я.

Юрец усмехнулся, но промолчал.

— Здравствуйте, Алла Леонидовна. Вера дома?

— Здравствуй, Димочка. Проходи, дорогой. Верочка скоро вернётся, до Илонки пошла. Конспект какой-то что ли забыла? Не поняла я. Да ты проходи, проходи. Чай попьем, поговорим.

В маленькой, неплохо обустроенной кухне мягко горел свет лампочки, разливая по всему помещению тепло. Этот мягкий свет и пастельные лавандовые тона никогда не вязались в моей голове с образом Веркиной матери.

Она была красивой женщиной, наверняка знающей себе цену, но никогда не имевшей постоянных кавалеров. Характер не тот. При мне она старалась быть мягкой, но, несмотря на эти старания, я прекрасно видел все ее черствое волевое нутро. Готовить Алла Леонидовна никогда не любила, и сейчас баловать потенциального зятя не стала. Вывалила в вазочку с низкокалорийными хлебцами немного конфет, залила кипятком остывший чай и подвинула мне чистую кружку.

— Поругались, да? — Без перехода поинтересовался она. — Верка у меня с характером, ты уж смирись. Я в её возрасте тоже носом крутила перед парнями, а с чем в итоге осталась? Одна Верку поднимала. Ну, да ты знаешь, чего я тебе рассказываю. Не хочу просто такой же судьбы и ей. У ребенка отец должен быть. Семья полноценная. А ты, я же вижу, души в ней не чаешь. Подарками всю засыпал. Она как вернулась домой с сумками, так я ей сразу же на мозг присела...

— Пойдите. — Я отставил бокал в сторону. — Какой ребенок?

— Ну это я так, пространно... Будет же он у вас когда-то. Верка ещё дурочка молодая, а я же вижу. Больше нее всё-таки видела и знаю, что ты для нее самый лучший муж будешь.

Я мысленно усмехнулся такому непредвзятому способу побыстрее спровадить дочь подальше с глаз, но не стал ничего на это говорить. Это, во всяком случае, только наше с Верой дело, но никак ни ее матери.

— Не время ещё для семьи.

— Ну как это не время? Тебе уже двадцать три. Верке, слава богу, тоже. Чего уже тянуть-то? Сколько вы вместе? Пять лет?

— Шесть.

— Тем более!

— И что я могу дать этой потенциальной семье? Стабильность нужна, Алла Леонидовна. Стабильность. А у меня её нет.

— Как это нет? У тебя неплохой доход, своя квартира. Высшее образование. Чего ещё нужно?

— Это вы у дочери своей спросите, что ей ещё нужно.

Щелчок замка заставил настырную сваху проглотить свой ответ.

— Заходи, сейчас маман предупреджу и пойдем, — с коридора послышался голос Веры.

— О, какие люди. Очухался?

— Твоими молитвами.

— Чего пришел?

— Походу, Верка, сегодня не судьба, — насмешливо протянула Илона, сунув свой нос в кухню. — Здравствуйте, Алла Леонидовна! Чаёвничаете?

— Здравствуй, — мимоходом откликнулась моя будущая теща. — Вера! Ты как разговариваешь? Димочка пришел у тебя прощения просить, а ты... Бессовестная!

Алла Леонидовна начала отчаянно подмигивать дочери и делать жесты руками Илоне, думая, что я этого не вижу.

— Мне выйти? — наконец дошло до Илоны.

— Вместе выйдем. Пусть дальше тут сидят.

— Вера. Поговорить надо.

Мне удалось нагнать их только у выхода из подъезда. Девушка нехотя обернулась.

— Ну говори.

— Илона выйди.

— А чего я? Тебе надо — ты и иди.

Не церемонясь, выволок ее за руку на улицу и захлопнул перед ней дверь.

— Ты что творишь?

— Ты домой возвращаться планируешь? Побесилась и хватит.

— Домой? А я дома, Архипов! А что до твоей квартиры — так я там не хозяйка.

— Это я уже понял, что хозяйка из тебя не ахти.

— Ну и чего тогда припёрся?

— За тобой.

— А я никуда с тобой не пойду. Я тебе уже сказала, что с меня довольно. Больше мне такого счастья не нужно. Иди, другую лохушку найди, пусть она сидит и ждёт тебя с твоих сраных боёв. Я в этом участвовать не собираюсь. Всё услышал?

— Всё.

— Ну и вали тогда.

— Значит, ты всё решила?

— Решила.

— А со мной, как всегда, посоветоваться забыла.

— Забыла.

— Ну, окей. — Плечо рефлекторно дернулось, кулак сжался. Больших усилий стоило не сорваться при ней. Чтобы хоть как-то унять навязчивое желание, вытащил из кармана сигарету. Прикурил. Сделал затяжку. Медленно выпустил дым, глядя ей в глаза. Не найдя там абсолютно ничего, кроме бегающего злого взгляда, я пожал плечами и сумел ответить более-менее ровно. — Бывай тогда.

— И что это значит?

— А что для тебя значат мои слова, королева?

Она медленно отвела взгляд. Порывалась что-то сказать, но промолчала.

— Так все и подходит к концу, да? Удачи тебе, Вера.

Сжав зубами фильтр, открыл дверь и вышел на улицу.

— Ты мне чуть руку не сломал, козел! — Прошипела Илона. — Думаешь, я это так оставлю?

— Да пошла ты.

Поздно ночью, спустя две недели, за которые организм пришел в норму, мы прямым рейсом вылетели в Костанай. В бизнес-классе было слишком просторно для шести человек, что уже натолкнуло на мысль о паскудном развитии дел. С чего бы Вардану так трястись? Не иначе, ждал какой-то подляны.

Четверо охранников безмолвными статуями сидели на своих местах. Один позади, двое по бокам и четвертый впереди. Вардан молча цедил свой коньяк, повернувшись к иллюминатору невидящим взглядом. Диалога со мной не заводил, что расслабить меня не могло заведомо. Я даже не знал, что у меня будет за соперник, не говоря уже о том, чего вообще ждать от этой поездки.

— Ты слишком напряжен. Я бы предложил тебе выпить, но ты же спортсмен. Сам понимаешь, к чему это может привести.

— Когда бой?

— При удачном стечении дел — завтра.

— А при неудачном?

— Не переживай. Я помню свои слова. Сейчас ты под моей крышей.

— Это должно меня обнадежить?

— Обнадеживать, Архип, тебя девушка твоя будет. А я говорю по существу. Поспи немного. Слишком нервный.

Я замолчал. Понимал, что большего от него не добьюсь. Крепко сцепив челюсти, поудобнее устроился в кресле и прикрыл глаза. В мозгу отчётливо долбила мысль о том, что лучше бы Рустему остаться в живых. Иначе, чем обернется все это дерьмо с внеплановыми платами по счетам — я ручаться не мог. А подставлять свою шкуру в этих левых разборках авторитетного масштаба, желанием не горел. С Алиевым, по крайней мере, было яснее. Бой — бабки. И никаких проблем.

Спустя два с половиной часа объявили посадку. Мы сошли с трапа первыми, как и положено. Охранники Вардана часто озирались, при этом не выпуская из виду общую картинку. Пройдя таможенный контроль, вышли из здания аэропорта и молча двинулись по известному одним им маршруту. Сухой холодный воздух забирался под ветровку, раздувая ее как воздушный шар. Погода ни к черту. Что хорошего может ждать в стране, где даже весна была какой-то чуждой?

Дойдя до черной бэхи, один из охранников отделился. Осмотрелся вокруг. Второй первым юркнул в салон. Следом за ним Вардан, потом уже я.

Спереди сидели двое. Ограничились лишь сухими кивками. Завели двигатель и сорвались с места. Остальная охрана Вардана двинулась за нами на другом авто.

Ехали около часа. Я попутно старался запомнить хоть какие-то общие ориентиры. Но в частном секторе, куда мы влетели на всех порах, я запутался окончательно.

Мы подъехали к простенькому двухэтажному коттеджу, ворота которого тут же распахнулись.

Во дворе у крыльца стояло трое мужчин, с беспокойством вглядывающихся в наше лобовое стекло. Вардан вальяжно вышагнул из тесного салона. Поднял голову к небу. Вдохнул, не обращая ни на кого внимания. Мужчины не двигались, внимательно наблюдая за ним.

— Как давно я здесь не был, — наконец проговорил он с улыбкой старика, вернувшегося после гонений в родной дом. — Смотрю, Алик, ты времени зря не терял. Не дал моей кибитке обратиться в пыль.

— Здравствуй, Шайтан. Рад видеть тебя на родной земле.

Один из них шагнул навстречу. Поравнялся с Варданом. Обнял того, как родного отца.

— Здравствуй, Алик.

— Это и есть твой боец? — Поинтересовался тот, что Алик, направив в мою сторону цепкий безэмоциональный взгляд.

— Он самый.

— Неужто действительно так хорош, что стоило его тащить сюда?

— Что же ты, Алик, сразу о деле? С сытого волка и спрос другой.

Словно опомнившись, Алик оторвался от меня и сделал приглашающий жест в сторону дверей.

— Проходите в дом. Стол уже накрыт.

Вардан обменялся скупыми рукопожатиями с остальными мужчинами и зашёл в дом вслед за Аликом. Представлять ни меня, ни их мне никто не стал.

В просторной пёстрой зале с множеством курпачей и низким столом остались только мы втроём. Другие к пиршеству не присоединились, из чего я сделал вывод, что Алик здесь и есть самый главный.

За поздним ужином, или уж скорее ранним завтраком, они говорили на отрешенные темы. Но едва унесли последние ляганы, Алик вновь приступил к делу.

— Я договорился с Шамилем. Он не хотел марать руки, тянул до последнего. Решили провести бой на нейтральной территории.

— В остальном всё в порядке? — уточнил Вардан, которого здесь называли исключительно Шайтаном.

— Не совсем, — нехотя поделился Алик. — Шамиль в последний момент сменил бойца.

— С чего вдруг? Мы так не договаривались.

— Сослался на то, что баи так порешили. Он, дескать, сошка мелкая, как сказали, так и сделал.

— Совсем меня за человека принимать перестали баи ваши? — С тихой угрозой в голосе поинтересовался Вардан.

— Перестраховались. Ты не сказал, что за человек с тобой приедет. Сразу ткнул пальцем в Айвара. Понятное дело, Шамиль испугался за своего наследника.

— И кто будет вместо Айвара?

— Сказали, что выставят Муху. Если выстоит твой боец, тогда и о бое с Айваром потолкуем.

— Пусть будет так. А баям передай, что это был единственный раз, когда я принял их условия.

— То есть, — вклинился я в их диалог. — Вместо одного боя будет два?

— А ты так уверен в том, что первый бой не станет для тебя последним? — Поинтересовался Алик с чистым интересом и неприкрытым азартом в глазах.

— Не так страшен черт, как его рисуют. Не так ли?

— Я обещал тебе один бой, Архип. Решишь драться с трусливым отродьем пустынного шакала — будет и второй бой, — ответил мне Вардан.

— Оставляешь за мной право выбора?

— У джигита всегда есть право выбора.

— Ну это мы ещё посмотрим, джигит он или нет. Не гони лошадей, Шайтан.

— А я тебе, Алик, сомневаться не советую, — заверил Вардан, поднимаясь на ноги и давая этим сигнал к окончанию беседы.

Ночь мы провели в этом же доме. Несмотря на внутреннее напряжение, отрубился я быстро. Проспал всего пару часов и поднялся вновь с первыми петухами. В буквальном смысле. Под самым окном противно горланила черная птица, важно меряя шагами двор.

Приоткрыв одну створку, выглянул наружу. На горизонте едва светало. Ветер буквально гудел. На сколько хватало глаза, в округе одни лишь дома в хаотичном порядке. Сделав глубокий вдох, даже не почувствовал достаточного насыщения кислородом. Напротив, от сухого воздуха закружилась голова. Не самое лучшее начало. Только отступать уже некуда.

Ближе к обеду Вардан решил отправиться на сходку. Загрузились всё в ту же черную бэу, только в этот раз к нам присоединился и Алик. Ещё в двух машинах ехало сопровождение — вчерашние мужчины с крыльца и охранники Вардана.

Через двадцать минут в поле зрения появилась чайхана "Моя Узбечка".

Хоть что-то родное в незнакомом городе. Хороший знак, должно быть?

Внутрь вошли только мы трое, остальные остались в машинах. Все столы в помещении были свободны, кроме одного, самого дальнего у стены. К нему мы и двинулись. Сидящие за этим столом, завидев нас, тут же подобрались. Встали.

— Салем, Шайтан. — Один из них, по виду самый главный, пожал обеими ладонями руки Вардана. — Калайсыз?¹

— Дугаларыныз бойынша, Касым.²

— Ассалаумагалеюкүм.³

— Уагалеюкумассалам³, Жанибек.

— Ассалаумагалеюкүм, Вардан-агай⁴.

— Салем, Шамиль, — с нескрываемым неуважением отозвался Вардан на приветствие третьего.

По положенному этикету, после Вардана, прездоровались и все остальные, не исключая меня. На мне же их взгляды и задержались.

— Бул сиздин курескериниз бе? ⁵ — Уточнил Шамиль.

— Он самый. А где же Айвар? — С издёвкой в голосе поинтересовался Вардан. — Неужели мой приезд настолько незначим для вашей семьи?

— Айвара сейчас нет в городе. Но он передал свои глубочайшие извинения, и пожелание встретиться позже.

— А на кой черт мне сдались его пожелания, Шамиль? Я склонен полагать, что слова твоего сына такой же пустой звук, что и твои.

— О чем это ты, Вардан? — Спросил Шамиль, следя за тем, как Алик опускается напротив него.

Мне же выпало место напротив того, кого мне не представили. Полагаю, это и был тот самый Муха, бой с которым был повесткой дня. Его настороженный взгляд ходил по мне ходуном, в то время, как он сам старался не выдать ни единой эмоции.

— О том, дорогой племянник, что у нас с тобой был уговор, который ты посмел нарушить. Или что, слово джигита стало настолько чуждо твоему наследнику, что он решил попробовать обвести меня вокруг пальца?

— Прошу тебя не сомневаться в словах моего сына, Вардан. Он свое слово всегда держит. Но его срочно вызвали в командировку. Он сейчас под Астаной. И чтобы не сорвать запланированное мероприятие, вместо себя он оставил Муху. Понадеялся, что его выбор вас удовлетворит.

— Мне нет дела до его выбора, Шамиль. Я хотел видеть именно Айвара.

— Вардан-ағай, если это настолько важно, мы можем перенести мероприятие до возвращения Айвара.

— Мой боец похож на цепного пса? Я обещал ему бой, а не боевую готовность в режиме ожидания. Пусть это останется на твоей совести, Шамиль, — непререкаемо закончил Вардан и обратил внимание на Муху. — Кто стоит за твоей спиной, сынок?

— Это мой боец, — ответил за него Касым. — Он тебя чем-то не устраивает, Шайтан? Баи одобрили наш выбор. Сомневаюсь, что твое слово станет для них решающим. Сам понимаешь, Вардан, ты не в том положении, чтобы ставить условия с неизвестным бойцом. Его в деле никто не видел.

— Не переживай, Касым, он себя покажет, — уверенно отозвался Вардан, бросив на меня ничего не выражающий взгляд.

Я, в свою очередь, перевел взгляд на Муху. По габаритам он превосходил меня вдвое. Был выше на пол головы. И выглядел слишком уверенным в себе. Меня пугало не это. В большей степени стоило опасаться того, что, несмотря на свою массу, он окажется до чёрта проворным. И вот тогда уже фатального удара по черепу можно и не избежать. А голова, исходя из предупреждения врача, теперь мое самое уязвимое место.

— Где будет проходить бой? — Поинтересовался Вардан после плотной трапезы.

— Б 13. Нейтральная территория.

— Почему там?

— Если что-то пойдет не по плану, спрос предъявить будет некому, — отозвался Жанибек.

— Что ж, будет по вашему. Мы подъедем завтра к девяти, — поставил условие Шайтан, поднимаясь на ноги.

¹ Здравствуй, Шайтан. Как поживаешь?(кз.)

² Твоими молитвами. (кз.)

³ Здравствуйте (кз.)

⁴ ағай — дядя (кз.)

⁵ Это и есть твой боец? (кз.)

Глава 5.2

К девяти вечера мы были на месте. Вокруг недостроенного элеватора уже было полно машин и они ещё продолжали подъезжать.

— Послушай меня, Архип, — проговорил Вардан в темноте салона. — Сегодня от тебя зависит очень много. Если сумеешь проявить себя, то, считай, что я в деле. А мне это очень нужно, чтобы сместить отсюда всех насиженных шишек.

Такое косвенное предупреждение взвинтило мои нервы до крайней степени. У меня теперь только два варианта: либо выиграть, либо сдохнуть прямо на ринге, пока рука Вардана до меня не добралась.

— С твоей победы прилетит не слабый куш. Вряд ли кто-то из них будет ставить на тебя. А это не хилые проценты к обговоренной сумме.

— Посчитаем после, Вардан. Сейчас мне цифры в голове ни к чему.

— Просто имей в виду. А теперь пошли.

Едва мы вошли, меня сразу же протолкнули к освещённому фарами центру, где посреди матов Муха маялся в ожидании.

Кольцо из зрителей сомкнулось за моей спиной, отрезая пути к отступлению.

Мы обменялись крепким рукопожатием по правилам единоборств и какой-то дерганый хрен в спортивном костюме, отсчитав до одного, махнул нам рукой.

Начался бой.

Все лишние эмоции и переживания остались где-то в самой глубине сознания. Наружу вылезла расчётливость и хладнокровность.

Муха тоже оказался бывалым. На рожон не лез. Изучал спокойным взглядом. Выжидал. Мое наступление сразу блокировал. Попытался сам провести захват по всем законам кураша для дальнейшего заваливания меня на спину. Я увернулся. Сделал новый выпад ногой. Вновь увернулся от захвата.

Муха намеренно пытался всеми силами взять надо мной первенство в своем единоборстве. По большому счету, с Рустемом мы этого никогда не отработывали. Больше склоняясь к европейским видам боёв.

Кое-что, правда, в моем мозгу все ещё сохранилось. Не даром прошли два года обучения в Ташкенте. Поднапряг память. Вытащил из недр пару приемов. Завалил Муху сразу же, едва тот вновь протянул ко мне руки. Но он вырвался, отделавшись малой кровью.

Ла-а-адно.

Теперь он стал ещё внимательнее. Но не настолько, чтобы заметить мой резкий выпад с обманного маневра.

Уже что-то.

Мертвая тишина за спиной. Прицениваются.

Муха вновь активен.

Огромный минус большого веса — быстрая потеря сил.

Можно было бы его немного погонять, а после добить. Но не этого от меня ждут. Придется брать расчётливостью и скоростью.

С первого раунда я позволил ему выйти целым. Пусть немного потеряют бдительность.

Во втором раунде он рассек мне кожу над ключицей смазанным ударом. Тоже не плохо. И вполне допустимо. Только однообразный стиль ведения боя начал меня уже напрягать.

Третий раунд.

Вот теперь пора.

Едва Муха подобрался ко мне на расстояние вытянутой руки, я вывел его из равновесия выпадом в бедро и отработал в партере серию самых удачных ударов, восхищавших ранее Рустема. И резким ударом в ключицу поставил жирную точку в этом бою.

Тишина длилась минуту, за которую Мухе помогли подняться. Пожав мне на прощание руку и хлопнув в знак одобрения по спине, он, морщась от боли, покинул ринг. За спиной раздалось пару неуверенных хлопков. Я обернулся. Сквозь волну негодующих ко мне протискивался молодой парень в широких хлопковых штанах и с голым торсом. Что-то едва уловимо знакомое было в его чертах. Спустя пару секунд до меня дошло, что это и есть тот самый Айвар, который изначально должен был стать моим соперником.

— Неплохо, — произнес он, поравнявшись со мной. — Но так ли ты весом, как обрисовал тебя мой дядя?

— Проверь. — Чуть отойдя в сторону, кивнул ему на место напротив себя, где ещё недавно стоял Муха.

— Выдержишь? — Усмехнулся внучатый племянник Шайтана.

— Чем не повод возвыситься перед аксакалами?

Айвар неприязненно передернул плечами. Мой намек на его трусливое бегство ему не понравился.

— Не пожалеешь о своих словах?

Вместо ответа растянул губы в усмешке. Изучив меня прищуренным взглядом, мой новый оппонент кивнул придурковатому рефери. Собравшиеся встретили это движение нестройным гулом одобрения.

Три.

Два.

Один.

Минута и Айвар лежит у моих ног без сознания. Стоит ли мне теперь жалеть о своих словах?

На это раз хлопки в стороне были уверенными.

— Ну что, Шамиль? Готовь деньги, — проговорил Вардан со скрытым самодовольством. — Не получишь ни копейки.

— Он пользовался запрещенными приемами, — слабо взбунтовал Шамиль.

— Ты это на что намекаешь, сучий сын? Хочешь сказать, что это грязная победа?

— Все честно, Шамиль, — вклинился Алик. Половина присутствующих кивнули в знак подтверждения.

— Можешь привести в чувство своего щенка и проверим ещё раз, — предложил Вардан. — Только в этот раз головы ему под тубетейкой точно не удержать.

— Не заставляй людей ждать, — подал голос Касым, подходя к недавнему месту сражения. — Вряд ли кто-то оспорит эту победу.

Обречённые вздохи и тихие маты прошли по толпе, после чего по одному, по одному, все стали покидать это мрачное помещение.

— Как зовут твоего бойца, Шайтан? — Подал голос один из присутствующих здесь баев, заставив уходивших задержаться.

— Архип.

— Я нарекаю его Арланом. — Бесхитростная фраза несла за собой не просто дань

уважения. Она означала, что я по праву заслужил место в их кругу. Но радоваться было нечему. — А с тобой, Шамиль, у нас будет отдельный разговор. Расчитайся с людьми.

Понуро кивнув, Шамиль раскрыл свою спортивную сумку. Продемонстрировал Вардану ее содержимое и передал ему в руки. После этого Вардан потерял всякий интерес к этому сброду, вынудив меня последовать за ним к выходу.

— Я хочу видеть вас завтра, Шайтан, — бросил ему вдогонку все тот же бай.

— Увидимся, Марат-агай.

— Ну что, Архип. Мои поздравления, — сказал Шайтан, устраиваясь в машине поудобнее. — Иного исхода я не ожидал. А ты что скажешь, Алик?

— Удивлен.

— Надеюсь, впредь мои слова не подвергнутся сомнению. С таким выходом мы твердо себя поставим, Алик.

— Рано радуешься, Вардан. Шамиль не оставит унижение своего сына просто так.

— Не думаю, что он так глуп. Я ему тягаться со мной не советую. Его отец пытался. Сам знаешь, чем это закончилось.

Алик немного покусал губу, что-то просчитывая в мозгу.

Машина остановилась у знакомого уже дома. Мы вышли из салона и молча прошли внутрь. Откланяться мне пока никто не разрешил, пришлось следовать за мужчинами в гостиную, где нас уже ждал очередной плотный стол.

— Твой боец останется при тебе? — Поинтересовался Алик, усаживаясь на курпачу и омывая руки в специальной таре.

— Если только он сам так не решит.

Вопросительный взгляд на меня. Заманчивая перспектива, но...

— Нет, Вардан. Свой долг я тебе вернул. Теперь, позволь, я умываю руки. Своя шкура дороже к телу.

На следующий день, повторно озвучивая свой отказ перед старейшинами, я даже и подумать не мог о том, что окажусь здесь ещё не раз.

Кабала, из которой тебя так просто выпускают, всегда оказывается шире в масштабах, чем представляется изначально. Не стоило об этом забывать. У Вардана было больше власти над моей жизнью, чем у Алиева.

— Оспорить решение гостя — проявить к нему неуважение, — отозвался тот самый Марат на мои слова. — Только помни, Арлан, что этот город всегда для тебя открыт, также, как и двери моего дома.

— Почту за честь оказаться здесь вновь, — ответил так, как того требовали правила этикета. Однако, я солгал. Душонка, какая-никакая, а своя, все же дороже того, что можно здесь поднять.

— Очень надеюсь, что эти слова честны. Не знаю, где Шайтан тебя нашел, но такие джигиты нам нужны здесь. Отпускать тебя мне совершенно не охота, но слово гостя — закон. Езжай с миром, Арлан. И не забывай о том, что тебя здесь тоже ждут.

"К черту вас всех вместе с вашими ожиданиями", — подумал я, покидая этот дом с пятьюдесятью кусками в кармане, которые я получил в итоге за два боя и три дня, проведенных в Костанае.

— Где тебя черти носили, Димон? Приходили насчёт аренды. Спрашивали, будем

продлевать или нет. А я не в курсах, чё да как. Ты же у нас кошелек.

От ора Митяя зазвенело в ушах. Мало того, что он сопровождал свою речь ритмичным пожевыванием булки, так ещё и крошки вылетали из его рта, неуклонно устремляясь в мою сторону.

— Ты либо жри, либо говори.

— А ты меня не лечи. Я тебя спрашиваю, куда ты чухнул, когда на повестке дня такой вопрос?

— Дань твоим корням отдавал.

— Не понял? Каким корням? Это я тут чуть к корням не отправился, под самую землю.

— Ты бы туда не уместился.

— Очень смешно!

— Не зуди, Митяй. Лучше вещички пакуй.

— Чё, завязываем что ли? — Жевание прекратилось. От волнения он проглотил комок сдобы целиком.

— Расширяемся. Пока ты тут хлебрезку свою точил, я денюжки, Митяй, зарабатывал. И на эти денюжки мы, Митяй, берём свое помещение.

— Да ла-а-адно! Вот это номер, чтоб я помер! А чё, предупредить слабо было?

— Слушай, ты вообще когда-нибудь бываешь доволен?

— Угум. Когда ем.

— Если поторопишься — есть будешь много и сытно. Продолжишь тупить — до конца дней харчи хлебать придется.

— Ой, ой. Дохера умный. А кто тебя всему обучил? Забыл?

— На, займи рот, — выудив из сумки палку казы, впихнул ему в руки. — Напрягаешь уже.

— Вот другой разговор. Погоди-ка. Так ты чё, про корни серьезно что ли? Где был-то?

— В Костанае.

— Эка-чё. Это как тебя туда занесло?

— Твое дело маленькое — жуй, да коробки пакуй.

— Ой, ой. Какие мы серьезные боссы. Гляди-ка!

— Что означает "Арлан"? — Между делом вспомнил я.

— Тебе дословно?

— Ну, как сумеешь, — смилостивился я, аккуратно укладывая тату-машинку в коробку.

— Это имя вообще-то...

— Ну и? Митяй, я тебе палку конины привез. Прекращай тупить, могу и отнять.

— Ну-у, если дословно... "Свирепый волк". Богатырь, типа. А чё?

— Ниче. Пакуйся давай. Дел ещё много.

— О расширении, кстати, — Пробубнил он, между укусами казахской колбасы. — Познакомился недавно в сети с одной девчонкой. Женей. Работу искала тату-мастером.

— Ну, зови. Посмотрим твоего мастера.

— Чё там, кстати, с боями твоими? Слышал краем уха, разборки какие-то были?

— Слышал — забудь. Не по твоему уму. Бей партаки спокойно и не грузись.

— Не ну а чё сразу так-то? — Митяй обиженно засопел.

— Эти дела тебя не касаются. Ни прямо, ни вскользь. Я в салон вкладываюсь? Вкладываюсь. Остальное не твоего ума дело.

Глава 6

В понедельник зарядил очередной ливень. Весна в этом году выдалась ни к черту.

В душном салоне маршрутки вредные бабки вытянули буквально всю душу. Смешно, кому скажи. Столько нала в кармане, а в институт исправно езжу на общественном транспорте. Адово пекло в час пик.

У входа в родную альма-матер угодил в лужу. С противным хлопанием в одной ноге дошагал до крыльца, где расположилась крайне занимательная компания.

— Меня в суть своего веселья не посвятите? — Поинтересовался я.

Разговор стих. Улыбки с лица Веры и Андрея как рукой сняло. Илона презрительно закатила глаза.

— Очухался, смотрю. Думал, сдохнешь.

— А ты думай меньше. Не твое это, — с обманчивым спокойствием поделился я с братом. Он скривил уголок губ, но поддаваться на провокацию не стал.

— Чего тебе нужно? — Вера старалась держать маску безразличия до последнего.

— Мне? — Переведя взгляд на нее, уловил едва заметное напряжение. — Да ничего. А что, хочешь что-то предложить?

— Идите внутрь, девчонки, — предложил Андрей, не настойчиво подтолкнув Верку к дверям. Этот жест от меня не укрылся, ровно, как и тревога в его взгляде. — Идите-идите. Нам поговорить нужно.

Нехотя, с небольшой заминкой, но она все же ему уступила. Надо же, какие мы покорные с теми, с кем не надо...

— И о чем ты хочешь поговорить, птица-говорун?

— О Вере, к примеру.

— А что о ней говорить? Моя и точка.

— Я люблю ее, — он наконец осмелился произнести это вслух спустя несколько лет.

— Я тоже. Дальше что?

— Вы расстались, я правильно понял?

Запрыгнув на перила, прикурил. Выдохнул, внимательно следя за тем, как дым прибывает к земле влагой. После перевел взгляд на брата.

— Расстались — сойдёмся. Не впервые.

— Может, предоставишь ей право выбора?

— Думаешь, тебя выберет? — Я даже не пытался скрыть насмешки, что Андрюху моментально вывело из себя. Хотя он и старался это скрыть, я знал его как облупленного.

— А чем я хуже?

— Дай подумать. Живёшь с матерью. Перебиваешься с копейки на копейку. Начало уже плачевное. Продолжать?

— По крайней мере, я уверен в завтрашнем дне. А у тебя этого дня нет. У тебя вообще ничего нет, кроме лживых понтов и кровавых бабок. Кем бы ты был сейчас, если бы не Рустем?

Скрыв внутреннюю ярость за слабой улыбкой, легко соскочил с перил. Андрей напрягся, приготовившись к драке. Подойдя поближе, от души хлопнул его по плечу.

— Не прослезило, Андрюша. Может в другой раз?

Спрятав в карманах кулаки, спокойно вошёл в фойе. Даже не обратил внимания на

притихших в стороне подружек, просто прошел мимо.

... 2007 год.

Вечер. Я собираюсь на свидание к Вере, намереваясь свалить из дома до того, как там объявится мать или Андрей.

Щелчок. Входная дверь со скрипом открылась и через секунду захлопнулась.

Всхлип. Ещё один. Скулеж, срывающийся на вой.

Мать сидит на полу в темноте прихожей и, обняв свою сумку, беззвучно трясется.

Припомнить бы хоть один момент, когда она была такой... Что такого должно было произойти, чтобы наша железная леди рвала на себе волосы в истерическом припадке?

— Что случилось?

Присев возле нее на корточки, уловил прерывистые тяжёлые вдохи.

— Андрей... Он...

— Что с ним?

Судя по ее рыданиям, он уже на полпути к царствию Аида.

— ... в коме... Подрался... в реанимацию привезли... а там черепно-мозговая...

Внятно разобрать ее завывания у меня не вышло. Хватило и того, что услышал. Лёгкие как-то сиротливо сжались и первый вдох дался с трудом, словно через двадцать слоев марли. Поднявшись на ноги, попытался отыскать свои кроссовки. Едва только их нашарил, мать вцепилась в меня мертвой хваткой.

— Ты куда? Не уходи! Слышишь? Я тебя не пущу!

Холодные пальцы слегка подрагивали на моем запястье. Липкий, сосущий, тянущий страх медленно прошёлся вдоль спины, заставив каждый волосок на моем теле подняться дыбом. Что-то действительно жуткое было в ее голосе и этом ледяном захвате.

— Успокойся. Приду скоро. — Легко скинув с себя ее пальцы, обулся, всем естеством чувствуя какую-то непонятную усталость.

— Куда ты?

— Сказал, приду.

— Андрей!

— Дима я, — бросил сквозь зубы, проталкиваясь на лестничную клетку.

На подходе к Макс, зарулил в круглосуточный киоск у его двора. Без разбора протянул какую-то купюру в окошко.

— Пачку сигарет.

— Восемнадцать-то есть? — Ехидно уточнила размалеванная покровительница ночных забулдыг.

— Деньги лишние что ли?

От моей резкости ее самодовольность знатно подкосило.

— Какие сигареты?

— Да какая хрен разница?

Пачка прилетела едва ли не в лицо. Проглотил. Не до того. Стащив с прилавка зажигалку, пошел дальше, не обращая внимания на крики о сдаче. Это был первый раз, когда я взял в зубы сигарету. Лёгкие скрутились от затяжки. Не обратил внимания. Сделал вторую.

— Куришь, спортсмен? Какого черта произошло, можешь нормально объяснить?

Макс с непониманием переводил взгляд с меня на тлеющий окурок в моих пальцах.

— Малому позвонил?

— Сейчас будет. Наехал что ли кто-то? Рожа цвета земли.

— Андрей в реанимации.

— С какого перепугу?

В глазах Макса застыла неподдельная тревога за друга, которым Андрей ему и являлся. Мой ненавистный братец, вызвавший расположение каждого в моем окружении, но только не мое.

— Хз. Мать говорит, в коме. Отхреначил кто-то.

— И что теперь?

— Позвонил пацанам. Говорят, поинтересуются.

Стрельнув окурком в сторону, внимательно проследил за фейерверком искр. В этот момент в мозгу не возникало ни одной мысли о том, что вся эта ситуация мне по боку. Месть казалась настолько целесообразной, что я даже не усомнился в правильности своих намерений.

Малой подъехал спустя минут десять. К тому моменту у меня уже была информация о тех, кто уложил моего брата и об их местонахождении.

Прихватив с собою ещё двух старшаков с необходимым инвентарем, двинулись по указанному адресу.

Район — не район. Клоака с обитающим в ней сбродом. Каждый второй уголовный элемент, каждый первый — торчок. Что здесь забыла гордость нашей семьи задаться вопросом я не потрудился. Сразу же начал мясорубку, едва услышав от одного обдолбанного хмыря, удивлённо брошенное мне: "Ты чё, еще не склеил ласты, пи*рила?"

Старшаки, побросав нахрен свои самопальный биты, свалили, почуяв неладное в спешном пребывании подкрепления к этим отморозкам.

— Мочи, кого достанешь, — успел бросить я пацанам до того, как мой мозг полностью отключился.

Приближающийся вой сирены резко вернул меня в адекватное состояние. Черт, на которого я набросился, приняв за нападавшего на брата, подавал теперь едва заметные признаки жизни, как и два его товарища, подвернувшиеся мне под руку. Кастет в руке и сама рука были заляпаны кровью.

— Валите пацаны, — спокойно, словно не своим голосом, проговорил я, оглядываясь за спину.

Макс с Малым не сдвинулись ни на миллиметр. Бита выпала из руки Малого, отчётливо громко дзынькнув по бетону. Те, кто смог подняться на ноги, успели ломануться. Нам же ломиться было некуда. Патрульные огни уже выхватили наши силуэты.

Позвонить мне разрешили только утром. Спустя восемь часов после задержания, за которые менты едва не выбили душу у каждого из нас. В прямом смысле этого слова.

Рустем вытащил парней сразу. Хотя его доводов и не хватило на то, чтобы не возбуждать уголовное дело.

Две недели невромотки в следственном изоляторе, где, благо, я сидел один, без пацанов, взяв всю вину на себя. За это время из хренового сына я превратился в отбитого отморозка и позор семьи. Благодаря все тому же Андрею. Как с гуся вода — очухался через три дня. Матери впарил, что на больничной койке по моей вине. Не были бы связаны руки, отправил бы в госпиталь повторно, только вышел бы он оттуда уже не на своих двух, составив этим компанию своему обидчику.

Помог Вардан. Надавив на нужных людей, вытащил меня из-за решетки. Дело закрыли. Взамен я надолго увяз в дерьме подпольного тотализатора, кровью и потом отрабатывая свою беспечность.

После семинара, получив звонок от Рустема, поехал в больницу. Видок у него был не ахти, но даже дырка в башке не мешала ему чувствовать себя хозяином положения.

Прав был Шайтан, у этого лиса слишком большая воля к жизни.

— Ну, как прошла сделка с Варданом?

— Так же, как и у тебя, — ответил, усаживаясь на стул возле слегка приподнятой кушетки.

— В смысле?

— В смысле удачно, раз я сейчас сижу перед тобой.

— Ты недооцениваешь Вардана, сынок. Даже если бы сделка прошла неудачно, он оставил бы тебя в живых. Слишком прибыльный ты.

— Это я уже понял. Чего хотел?

— Да так. Ситуацию прояснить.

— Если ты о ринге, то я туда ещё не совался.

— Этоо правильно. Но я о тебе.

— А что обо мне? — Стащив с прикроватной тумбочки пару вишен, закинул их в рот. Прожевал. Сплюнув косточки в руку, положил обратно в вазу. Рустем все это время не сводил с меня глаз. — Я тут мозгами пораскинул немного. Приценился. Понял, что ты с меня не хило доишь, а мне копейки переппадают. С Шайтаном выгоднее работать.

— И сколько он тебе дал?

— Достаточно для того, чтобы заинтересовать.

— И какие твои условия?

— Уверен, что эти условия мне стоит озвучивать именно тебе?

— Рано скидываешь меня со счетов, сынок.

— Ну, в таком случае, пятьдесят процентов, папаша. Иначе не вижу смысла в этом разговоре.

— Ты не зарывайся, Архип. Есть бойцы и по достойнее тебя.

Я насмешливо изогнул бровь. Мы оба понимали, что это бесполезный фарс.

— Чего тогда вцепился в меня мертвой хваткой?

— Слишком много в тебя вложил.

— Ну ты думай, Рустем, думай. Времени у тебя на это теперь предостаточно, — ответил я, поднимаясь на ноги. — Только не затягивай. Кустанайские баи совсем недвусмысленно намекнули о том, кто им нужен.

— Сорок, — бросил он мне вдогонку, когда я уже одной ногой был у дверей.

— Пятьдесят.

— Имей совесть, Архип. Часть выручки идёт в общак. Мне что останется? Проще заменить тебя.

— Меняй. Что я от этого потеряю?

— Черт с тобой, — сдался он, приняв мой блеф за чистую монету. — Пятьдесят, так пятьдесят.

— Оклемаешься — позовешь.

...

Увидев в коридоре мать в окружении интернов, решил просто пройти мимо.

— Дима.

Остановился. Тяжело вздохнув, посчитал про себя до трёх и обернулся.

— Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь уйти.

Бросив взгляд мне за спину, ее глаза безошибочно уткнулись в дверь, ведущую в палату

Алиева.

— Я же просила тебя, — сказала она, верно истолковав цель моего визита в ее лекарню.

— Я тебя тоже просил. Не вмешиваться в мою жизнь.

— Я твоя мать!

— Это ты мне напоминаешь или себе?

— Дима. Да..., да как с тобой можно разговаривать?

— Не разговаривай. Так обоим проще.

— В чём я перед тобой виновата, что ты так себя ведёшь со мной? Неужели я не заслужила элементарного уважения?

Старая заезженная пластинка на крышесносном повторе.

— У меня к тебе встречный вопрос. Хотя, можешь на него не отвечать. Мне не интересно.

— Да что с тобой не так?

— Все со мной так. Мне некогда. Извини.

Протиснувшись мимо, поспешил уйти, оставив мать с поджатыми губами молча всматриваться мне вслед.

.. мне семь лет.

Несмотря на середину осени, солнце печёт нестерпимо. В Узбекистане всегда солнце. Много солнца.

Я самовольно убегаю со двора. Позади наших панельных домов частный сектор. Туда мы частенько бегали весной с пацанами поживиться зелёным урюком или кислой, едва поспевшей, клубникой. Еще тогда я заметил один огородик с синими розами, так восхищавшими маму.

И сейчас, прилипнув к забору, стоял и высматривал наиболее удачные бутоны. Собаки скалились на меня с той стороны, предупреждая порывивая.

— Чего тебе, мальчик?

Из-за угла дома выглянула женщина. Придирчиво осмотрев мой внешний вид, выжидающе выгнула бровь.

— Дайте мне три розочки, пожалуйста. У моей мамы завтра день рождения.

— Иди, иди, давай, — сразу же запричитала она, отмахнувшись руками, словно от прокаженного. — Бог подаст.

Бог подаст? Как знаете, тётенька...

.. Выкорчевав вечером из маминой аптечки пачку Супрастина, засунул ее в карман, и как ни в чем не бывало отправился спать.

Едва только в доме наступила полная тишина, выбрался из-под одеяла и тихо протопал на кухню к холодильнику. Стащил пару кружочков вареной колбасы, оставшейся с ужина и так же тихо прокрался к окну.

Первый этаж. До асфальта каких-то полметра.

Оглянувшись последний раз назад, лихо спрыгнул вниз. По проторенной дорожке вернулся к мнившему меня участку.

Одна из собак кинулась на сетку, вторая зарычала где-то рядом.

Выудив из кармана колбасу, наипиговал каждый кусок таблетками и по очереди скормил обоим псинам. Не прошло и часа, как их подкосило.

Сделав глубокий вдох и уняв мандраж в руках, перебрался без лишнего шума туда.

Вожделенные розы под светом луны были как на ладони.

Какая-то непонятная детская злоба накатила на меня волной.

Неужели было так жалко сорвать бедных три розочки?

Неужели я попросил о многом?

Поддалась из них только одна. Остальные не уцелели — что не смог ободрать, затоптал. Вернулся довольный с содранными до кровавого месива руками, на которые не обращал особого внимания, предчувствуя мамину завтрашнюю радость.

Но радости не получилось.

Поутру, услышав за стеной мамин голос, вытянул из стакана розу и, окрылённый, побежал в коридор. До мамы остался всего один метр, но так некстати прозвенел звонок в дверь. Спрятавшись за косяком, решил устроить сюрприз, выпрыгнув ей навстречу, как только она освободится.

— Открывайте, давайте! — Нетерпеливо заголосили из-за дверей. Едва мама щёлкнула замком, в проёме показалось негодующее лицо боговерующей хозяйки синих роз. — Где этот мелкий засранец?

— Вы по какому поводу? — Не сообразила мама.

— Ваш сын! Ваш сын ободрал мне все розы! Ночью! Собак отравил и ободрал!

— Успокойтесь, женщина. Мои сыновья ночью спят. Вы не по адресу пришли.

— Да я в милицию заявление напишу! Я в махаллю жаловаться пойду!

На шум вышел отец. Легонько поддержав маму за талию, вклинился в диалог.

— С чего вы вообще взяли, что это был наш сын?

— Он, гаденыш мелкий, вчера все топтался у калитки. Розы просил для мамы. Черт вас возьми, все затоптал. И собак отравил!

— Я бы попросила не оскорблять моего сына. Это во-первых. Во-вторых...

— Да что ты с ней разговариваешь, Алина? Закрой дверь и все. Сумасшедшая какая-то, — отозвался отец, захлопывая входную дверь.

Попытавшись спрятать розу за спину, случайно задел занавеску позади себя. Скрипнула гардина, выдав меня с потрохами. Родители обернулись. Мама во все глаза уставилась на цветок в моих руках.

— С днём рождения, мама! — Со счастливой улыбкой протянул ей свой подарок.

— Ах ты ж, сволочь!

Стянув с ноги тапок, со всей дури запустила его в мою сторону.

— Алина!

— Что, Алина? Да ты посмотри на него! Ещё и улыбается стоит!

— Сын хотел сделать тебе подарок.

— Хорош подарочек! Собак убил, розы вытоптал. Мало того, ещё и ночью.

— Я их не убивал. Это просто снотворное, — слабым голосом вставил я в свое оправдание.

— Снотворное? Я тебе сейчас дам снотворное! Ты кем растешь? Уголовником?

— Мама, я...

— Молчи! Видеть тебя не хочу!

— Что случилось? — Из спальни вышел Андрей, спросонья не разобравшись в ситуации, нырнул в самую гущу.

— Что случилось? А ты не в курсе? Говори живо, ты тоже с ним был?

— Где?

— В Караганде! Тоже лазил с ним за розами?

— За какими розами? Я розу тебе нарисовал. Но никуда за ней не лазил.

— Вот, — воскликнула мама, переведя красноречивый взгляд на отца. — Вот это называется: "сын хотел сделать подарок". Спасибо тебе, Андрюшенька. Хоть ты в маму пошел.

Совладав с эмоциями, она нагнулась и поцеловала Андрея в щеку, приласкав с особой нежностью.

— А ты исчезни с моих глаз! И чтоб я тебя не слышала вообще!

— Алина! Очнись. Он ребенок.

— А ты и дальше покрывай его. Давай. Посмотришь, что из него вырастит.

Зажмурился от обиды глаза, по стенке протиснулся обратно в комнату и плотно закрыл за собой дверь. Открыв окно, оборвал с розы все лепестки и выбросил на улицу вместе со стеблем.

Еще никогда я не видел у мамы такого осуждающего взгляда. Никогда не чувствовал разделения её любви между мной и братом.

До этого никогда.

.. Почему я такой плохой, мама?

Все вернулось в прежнюю колею. Утром институт и подготовка к выпускным экзаменам. Ночью бои. Разве что, получать я стал за это больше, а тратить было не на кого. К Верке я больше не совался, дав ей время самой успокоиться и перебороть свой заход.

За четыре дня до первого экзамена на мой телефон поступил звонок. Звонил Вардан. Новое предложение об очередном бое в Костанае поселило во мне двойное чувство. По сути, это была абсолютно ненужная мне сделка. Денег хватало. Ехать к черту за пазуху не хотелось.

Но...

Об этом бое попросил Айвар. Хотел реванша.

На раздумья ушло около двадцати секунд. В итоге, я все же согласился дать ему шанс, что уже само по себе являлось оскорблением. Не знаю, чего он хотел этим добиться. Восстановить свою униженную честь перед своими баями или же доказать самому себе, что исход прошлого боя был всего лишь ошибкой.

Так или иначе, но уже вечером я покупал билет, а ночью сел на рейс.

В аэропорту меня встретил Алик. Поздоровался с уважением. По-видимому, мое участие во встрече Вардана с местными шишками, изменило его отношение ко мне.

Только уже после позднего ужина, пообщавшись с Варданом лично, я понял, для чего я здесь на самом деле. Шайтан хотел сместить зарвавшегося племянника и его наследника с иерархической ветви власти. Хотел посредством меня доказать, что годы борьбы Шамиля и Айвара за кошерное место в тотализаторе потрачены впустую. Иными словами, просто хотел занять их место. И нужно быть совсем отчаянным, чтобы не понять, чем это всё может для меня обернуться.

— Почему я? — Все же решил поинтересоваться у него.

— Ты — лучший.

— Есть и получше.

— Брось, Архип. Я видел таких, как ты на зоне. И я знаю, чего от таких можно добиться.

Ты — совершенное оружие для таких дел.

Сравнение с зоной меня не позабавило. Прав был Юрец, сяду я надолго, если продолжу в том же духе.

— Личное?

Выудив из пачки последнюю измятую сигарету, зажал ее между зубами. Прикурил зажигалкой, газ в которой тоже кончался. Дерьмо. Здесь даже магазинов по близости нет.

— Что, прости?

— Личное, говорю, оружие?

Нарочито лениво выпустив дым, я перевел безэмоциональный взгляд на Вардана. Внутри все бурлило от негативных посылов мозга. Стоило быть осторожнее на поворотах.

Вардан смерил меня внимательными, чуть прищуренными глазами.

— А что для тебя лучше — реальные деньги или проценты Рустема?

— Лучше — определенность.

Шайтан усмехнулся. Порывшись в кармане отброшенной в сторону куртки, вытащил запечатанную пачку сигарет и положил передо мной.

— Ты прав, Архип. Определенность, несомненно, лучше. Поэтому я хочу услышать от

тебя прямой ответ.

— Мне в своей шкуре комфортнее. Там её, по крайней мере, с меня сдирать не посмеют.

— Я тебя понял, Архип. Поможешь мне, я помогу тебе.

— В чём ты мне поможешь?

— Думаю, настанет такое время, когда и тебе понадобится моя помощь. А я своих долгов не забываю.

В это раз встреча проходила на территории Касыма. Присутствовали только заинтересованные в ней люди. Быстро отстреляться на этот раз не вышло. Айвар был подготовлен и спускать с рук свой прошлый проигрыш намерен не был. Уложить его вышло только в четвертом раунде, до которого мне заведомо предписали неудачу. Никто из присутствующих не выдал истинных эмоций, только взгляды Касыма и Марата ещё больше уверили меня в паскудности ситуации. Слишком уж заинтересованными они были.

Шайтан отпустил меня той же ночью, не став даже настаивать на ночлеге. Сам прекрасно понимал, что ничего путного из этого не выйдет. Отвалил приличных бабок и отправил с Аликом в аэропорт.

— В паршивый круговорот ты угодил, Архип, — озвучил Алик, то, что я и сам уже понял. — У Марата клешни стальные. Даже Шайтан не всесилен перед ним.

— Не нагнетай. Без тебя есть о чем подумать. За дорогой лучше смотри.

На мою резкость Алик не обратил никакого внимания, но, по совету, все же внимательнее всмотрелся в зеркала заднего вида.

— Шамиль прямо рыпаться не будет. Но подляну подстроит. Того и смотри.

Закурив без разрешения, я оставил эту информацию без ответа. Бегать долго все равно не придется, если им приспичит до меня добраться. Хреново то, что сам подписал себе приговор.

— Кто стоит за твоей спиной, что ты так спокоен? — Алик проявлял простой интерес, но от его вопроса стало паршивей вдвойне.

— Просто отбитый.

— Ты ещё отбитых не видел.

— А ты?

— А я видел. Поработав с Маратом и не то увидишь.

— Если Вардан это заварил, то был уверен в правильном исходе.

— Шайтан может быть уверен в чем угодно, но не в исходе. Это риск. И если ты не понимаешь, риск серьезный, — честно ответил Алик, глядя исключительно на дорогу.

— Чем плох был тотализатор в России?

— Здесь другой уровень, Архип. Думаю, ты это уже понял.

— Кто он тебе?

— Вардан?

Я кивнул. Алик замолчал, словно и не собирался отвечать.

— Это не имеет отношения к делу. Если ты переживаешь по поводу обещаний Шайтана, то будь спокоен. Я обязался встать на его место, если с ним что-то случится.

Притормозив на стоянке, он достал из бардачка билет. Посмотрел на часы.

— Через десять минут регистрация. Тебе лучше поспешить.

Спокойно докурив, вышвырнул окурок в окно и только после этого выбрался наружу.

— Надеюсь, больше не увидимся, — честно проговорил я, пожимая его руку.

— Увидимся, Архип, — так же честно ответил Алик. — Насколько скоро, не знаю. Сам понимаешь, что там сейчас начнется. Но будь уверен, обязательно увидимся.

Безрадостно усмехнулся, качнув головой, и не прощаясь повернул в сторону здания аэропорта. Как серпом по яйцам. Чем дальше, тем дерьмовее. Все-таки с Рустемом проще. А без него ещё лучше, в идеале. Да только где он, этот идеал? Одна лишь куча дерьма впереди.

Не настойчивый, но частый стук в дверь.

Сколько я спал? Минут сорок?

Нехотя поднявшись с дивана, направился к дверям, на ходу разминая шею.

— Привет. — Неуверенная улыбка и потерянный взгляд. — Я не вовремя?

Тяжело вздохнув, растер ладонями слипающиеся глаза.

— Разбудила? Извини. Я заходила вчера. Тебя не было.

— Зачем?

— Что?

— Заходила зачем?

Вера замялась. Сжала пару раз ремешок своей сумки.

— Можно войти?

Отступив вглубь квартиры, проследил за тем, чтобы она закрыла за собой дверь, и отправился на кухню. Чайник ещё не успел основательно остыть. Подключив его заново, стянул с подоконника так и не выкуренную ранее сигарету. Зажав ее губами, прикурил, уставившись в окно. Вера продолжала неуверенно топтаться в дверях кухни. Я не предпринял ни одной попытки смягчить ее неуверенность.

— Ты уезжал куда-то?

— Чего ты хотела? — Ответил вопросом на вопросом, так и не обернувшись. Вырванная на последних секундах победа не прошла бесследно. Айвар оторвал душу на славу. И сейчас мне хотелось лишь одного — спать.

— Ты дрался снова? У тебя синяки на спине.

— Вер.

Она сделала глубокий рваный вдох.

— Я хотела извиниться.

— За что?

Обернувшись, посмотрел ей в глаза. Она спешно перевела их на стол, где стояла практически приконченная банка кофе, одолженная мне Валероном.

— За то, что тогда тебе наговорила. Я была не права.

— В чём? Что мне стоит поискать другую лохушку, которая будет ждать меня с моих сраных боёв? Или в том, что меня однажды внесут в дом в гробу? Будь уверена, королева, ты была права в обоих случаях.

— Дим, мне плохо без тебя.

— А как же Андрюша? Я думал, у вас все серьезно. Не впечатлил что ли?

— Что? Ты себя вообще слышишь? У нас с ним ничего не было.

— Даже и не знаю, радоваться за вас или печалиться.

— Я тебя люблю, Дим. Только тебя.

— И что, готова вновь вернуться к тому, от чего ушла?

— Готова, — с вызовом отозвалась она, стрельнув в меня взглядом.

Я выдавил из себя слабую улыбку. Затушил недокуренную сигарету и обернулся к плите. Чайник вскипел, как и мои нервы.

— Кофе будешь?

— Нет.

— Как знаешь.

Высыпав в кружку оставшиеся гранулы, залил кипятком и уселся на стул напротив нее. Она так и продолжала стоять на одном месте, явно не зная, чего от меня ожидать.

— А я влип, Верка. По полной, — поделился, даже не зная, к чему. Просто хотел посмотреть на ее реакцию.

— Рустем?

— Хуже, королева. Есть дяди и посерьезнее Алиева.

— И чего от тебя хотят?

— Продолжения банкета хотят.

Она стянула с плеча сумку и присела на край табуретки. Я кивнул ей на выдвижной ящик кухонного гарнитура. Она потянула его на себя и ошарашенно замерла.

— Это бабки за один бой. Как тебе?

Закусив губу, задвинула ящик обратно. Прочистила горло.

— А отмазаться?

— Не выйдет.

С усилием напущенная веселость слетела, не оставив от себя и следа. Ночные мысли снова оккупировали голову.

Сделав глоток, поморщился от мерзости вкуса. Но порадовался крепости.

— Зачем ты в это ввязался?

— А у меня выбора не было.

— И что теперь делать?

— Ждать.

— Чего ждать?

Она немного воспряла духом, наивно посчитав, что у меня есть какой-то план.

— Чем все это закончится.

Пришлось ее разочаровать.

Помешкав с секунду, она вновь поднялась. Подошла ко мне и обняла.

— Мы справимся.

Последний экзамен позади. Однокурсники в предвкушении. Им есть на что надеяться и чего ждать. В первую очередь, дипломов. А дальше уже кто на что горазд. Кому папочка подготовил место, кому родственники и знакомые, а кому своим ходом пробиваться в люди.

А что я? Чего ждать мне?

Веркиного "мы справимся" хватило ровно на две недели. И все потянулось вновь по бесконечной цепочке противоречий.

Она хотела, чтобы я завязал, но, при этом, ее манили шальные деньги. Хотела строить семью, но продолжала принимать противозачаточные. Хотела любви до гроба, но чуралась моей нежности и внимания на людях.

Ссоры стали неизменным атрибутом нашей совместной жизни. Дошло до того, что мы уже не жили вместе, а пытались сосуществовать друг с другом. Что мешало ей уйти, я не знал. Видимо, что-то держало. И если это была не любовь, то что?

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать?

— Что случилось? Чувствую, что что-то не так.

Я привычно поморщился, благо, что по телефону она этого распознать не могла. Вываливать на нее груз своих проблем было бы элементарным свинством.

— Да все в порядке, ба.

— Точно?

— Точно.

Бабушка не поверила, но лезть не стала.

— Прилетишь?

— Вряд ли. Повестка должна прийти. Да и ещё кое-какие дела там есть. В секции.

— Всё-таки решил в армию?

— Решил.

— Что, неужели у профессиональных спортсменов не бывает отсрочки?

Я внутренне скривился. Знала бы ты, дорогая бабушка, что я уже семь лет никакой не спортсмен...

— У профессиональных — бывает.

— Ну и что тогда?

— А чего бегать-то? Отслужу и буду спать спокойно.

— Не нравится мне это. Ой как не нравится...

— Да нормально все, ба. Что ты паникуешь?

— Предчувствие у меня нехорошее, Димка. Не спокойно мне.

— Не я первый, не я последний.

— И то верно. Осторожней будь, хорошо?

— Осторожность в нашем деле — всё. Куда без нее, родимой?

— У тебя какие-то проблемы?

— Нет, все хорошо.

— Ой, не ври мне, Димка. Не ври. Знаю я тебя, как облупленного. Говори давай!

— Да что говорить? С Веркой собачимся постоянно. Да и так, по мелочи.

Хотелось бы мне рассказать, что ссоры с Веркой — это и есть мелочь, а глобальные проблемы скрыты под ёмким словом "секция". Но нельзя. Слишком сильно это по ней ударит.

— Верка твоя. Из-за нее, небось, и решил в армию-то пойти?

— Отчасти.

— Дурак ты, Димка. Вот слов других на тебя нет. Как пить дать, дурак. Не дождется она тебя. Не геройствуй.

— С чего ты это взяла? У нас же любовь. — От собственного заявления стало смешно.

— Какие мы слова-то знаем! Любовь у них! Помяни мое слово, дорогой, попьет она тебе ещё кровушки. Змея такая.

— Что ты говоришь, оглым¹? Повестка? Это куда ты намылился?

Алиев внешне был абсолютно спокоен. Однако нервное постукивание ручкой по столешнице выдавало его состояние с потрохами.

— В армию. Долг родине, слышал о таком?

— В армию, говоришь? Долг родине? А мне долг кто отдавать будет? Не знаешь?

— По-моему, долг свой я тебе вернул с лихвой. Ещё годков пять тому назад. Или есть что-то ещё, что ты мне можешь предъявить?

— А ты, мой мальчик, не зарывайся. То, что ты дела с Варданом прокручиваешь, не означает, что ты можешь делать все, что захочешь. Ты — мой боец. И работаешь ты на меня.

— Подзабыл как-то. Извини, от реальности оторвался.

— А ты не хохми, Архип. У меня чувство юмора слабое. Зато рука сильная. Надо будет, кислород под самые гланды перекрою.

— Кончай бессмысленный базар, Рустем. Я уже все решил.

— Ах, ты все решил? Ну что же, будь по твоему, — покровительственно разрешил Рустем, с самодовольной улыбкой на лице. От этой гримасы уже повеяло чем-то дерьмовым. — Иди, оглым, иди. Соперник — не армия, ждать не будет.

Бросив последний подозрительный взгляд на Рустема, я поднялся и покинул его душный затхлый кабинет. Переоделся в подсобке и вышел на ринг. Немного удивился тому, что мне поменяли соперника.

А спустя полчаса меня оттуда вынесли на носилках.

Твою мать, — слабо отозвалось в мозгу и я поплыл.

Медленной тягучей рекой потянулась вереница бесконечных осмотров и визитов врачей в палату. Знакомый уже лечащий врач только удручённо вздыхал и мотал головой.

— Что же Вы, пациент Архипов, суицидом занимаетесь? Что в ваших головах творится поколение?

— Каша творится.

— Откуда вы только такие беретесь? — Доктор даже не обратил внимания на мой туповатый юмор. Устало потёр переносицу. Стетоскоп на его шее отливал бликами в лучах лампы, неизменно попадающими мне в глаз. — Я ведь предупреждал Вас уже.

— Все так плачевно? — Спросил я его, закрыв режущие от света глаза.

— А сами как считаете? Тяжёлое сотрясение мозга — это Вам не насморк. Бесследно не пройдет.

— До армии стабилизируется?

— Какая армия? Об армии Вам ещё года на два забыть стоит. В идеале, вообще насовсем.

— Господи... Господи, сколько это может продолжаться? Скажи мне! Ну же. Блесни своим здравым смыслом.

— Верка, угомонись.

— А как мне угомониться? Ты совсем отбитый что ли? Ты хоть сам понимаешь, куда ты катишься? Нет, Дима. Это уже предел. Думала, ты одумаешься, поймёшь. А ты...

— Что, снова уходишь?

— Не хочу ждать, когда уйдешь ты.

— А как же семья, которая в твоих планах?

— О какой семье может идти речь, если я даже не знаю, чего ожидать завтра? А сидеть и трястись, чтобы тебя не убили и рожать ребенка безотцовщиной я не собираюсь.

— Как патетично, королева. Тебе же нравятся эти чёртовы деньги. Этот достаток. Обеспеченная жизнь.

— Не такой ценой, Дима. Я не деньги эти люблю, а тебя.

— Любишь? Я уже и забыл, когда в последний раз от тебя это слышал.

Верка устало закатила глаза.

— Слушай, королева. Ты ведь знала, на что идёшь, когда наши отношения перетекли в такое русло.

— Завязывай, Дима. Я очень тебя прошу. Завязывай. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе, нам не по пути.

— Ну, значит, не по пути.

Внутри все бурлило. Я понимал, что она права. Понимал, что так продолжаться не может. Понимал и то, что хожу по краю. И вместе с тем приходило понимание того, что нормальной жизни у меня не получится. И это понимание выливалось в обессиленную злобу. На себя. На нее. И на весь мир.

— Не завяжешь значит? Это тебе дороже, чем семья?

— А как завязать? Знаешь — скажи.

— Просто взять и поставить точку.

— Если только на себе.

Она хлопнула ладонью по столу. Впервые с ее губ слетела нецензурная брань.

— С тобой можно нормально поговорить? Без твоих извечных остроумных шпилек.

— Давай поговорим, королева. — Я придвинул стул поближе к ней. — Ты видишь только часть дерьма. А я тебе покажу больше. Я не могу завязать. Потому, что у меня нет такого права. Я сам себе не принадлежу. Они захотят, заставят всю жизнь меня пахать на себя. И я буду драться, пока собственной кровью не захлебнусь. А выход из этого только один. Без возможности вернуться. О, да, не раскрывай так глаза, словно ты этого не знала. Хочешь спросить, почему? Хочешь. Потому, что один маменькин сынок не смог однажды уберечь свой зад. И за эту гниль пришлось подставиться мне.

— Зачем ты мне все это говоришь?

Она даже не стала дослушивать. Просто перебила меня на половине монолога.

— Чтобы тебе было проще уйти. Чтоб не терзалась потом вопросами.

— То есть, ты уже все решил за нас?

— А что решать, Вера? Это у тебя бесконечное множество путей. А у меня только один. Уходи сейчас. Момента лучше не представится.

— Так ты заговорил? А как же клятвы в любви и верности?

Она насмеялась надо мной, глядя прямо в глаза. Была по больному. Я смолчал. Что можно сказать человеку, который даже не может тебя услышать, упиваясь личной трагедией.

— Уходи, Вера. Пока не поздно, уходи.

— Да пошел ты, придурок!

Она подорвалась с места. Вылетела в прихожую и уже оттуда крикнула:

— Запомни, единственный, кто виноват в твоём дерьме — это ты сам!

Дверь громко хлопнула.

А спустя четыре часа открылась вновь. Вера стояла на пороге с размазанной по щекам тушью. В руках держала початую бутылку виски.

Я устало привалился к косяку, сложив руки на груди. Ожидая хоть какого-то пояснения ее манёвра.

Дерзко ухмыльнувшись, она сделала глоток. Поставила бутылку на пол. Не сводя с меня глаз, расстегнула платье и скинула к своим ногам. Вальяжно подобралась вплотную и шепнула в самые губы:

— Сегодня я не принимала таблетки.

Наша самая долгая и отчаянная ночь. Очередная попытка доказать, что мы обычные люди с самыми обычными проблемами. И все у нас ещё впереди.

Под утро остался только осадок и вопрос:

— Что ты с нами творишь, Вера?

— Даю шанс на спасение.

Шанса не вышло...

¹ Оглым — сынок (узб)

Военкомат.

Стандартный осмотр на медкомиссии.

Отказ.

— Неужели ничего нельзя сделать?

Вытащив из стопки бумаг пару купюр, незаметно подложил их доктору на стол.

— Вы что, Архипов? Шутить намерены? — Его глаза недобро сощурились.

— Я хочу служить.

— А я хочу спокойно доработать до пенсии.

— Я Вас не о многом прошу.

— А я Вас прошу покинуть мой кабинет. И позовите следующего.

В коридоре перед дверью толпилась целая очередь. Высмотрев среди них Андрея, кивнул ему на кабинет. Тот, поморщившись, вошёл. Я остался ждать.

Когда он вышел, в моей голове уже выстроился точный план.

— Подойди.

— Чего тебе? — Спросил он с брезгливым выражением лица. Оттянул его за руку подальше от любопытных ушей.

— Прошел?

— Тебе-то какая забота?

— Я тебя нормально спрашиваю.

— Ну, прошел.

— Служить хочешь?

— Слушай, придурок. У меня нет настроения поддерживать твой тупой юмор.

Андрей рыкнул в сторону, но я придержал его за плечо.

— На вопрос ответь.

— Ну, не хочу. И?

— Документы гони.

— Не понял.

— Что ты не понял? Я служить хочу, ты — нет. Ты прошел, я не прошел.

— У-у, не хило тебя по башке долбанули...

— Слушай, Андрюха. Я первый раз в жизни тебя о помощи прошу.

— Это-то меня и настораживает. Подлянку подстроить хочешь?

— Хотел бы, давно уже подстроил.

— Ну да, ну да.

— Чего хочешь? — Выдавил я через силу. — Говори по-быстрому. Времени в обрез.

— На колени встань, тогда подумаю.

Я приценился. Бегло осмотрел его самодовольную мину. Но кулака так и не занёс.

— Что, не встанешь? — Он изобразил мнимое огорчение. — Жаль.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось размазать его по стенке. Но, вместо этого, я просто пожал плечами и отступил на шаг.

— Как хочешь, Андрюха. Служи. Может, хоть там из тебя человека сделают.

Развернувшись, хотел уже было уйти, как его клешня вцепилась в мою руку.

— Что я с этого поймею? — Прямо спросил он, скинув с себя напускную ленцу.

— Смотря, чего ты хочешь.

— Тридцатку зеленою. Слышал, ты сейчас неплохо зарабатываешь...

— Тридцатку?

Я слегка прищурился, оценивающе пройдясь по нему взглядом.

— Что, пообтрепался, братец? А это не мои проблемы, — он развел руками. — Хочешь моё имя — гони тридцатку.

— Никогда бы не подумал, что за дерьмо такие деньги выложу, — признался я.

— А ты не дерзи.

— Тридцать, так тридцать. Документы.

— Деньги.

— Я их тебе из трусов сейчас достать должен? Вечером приходи, получишь свои деньги.

— Обманешь — пожалеешь!

— Пупок развяжется со мной тягаться. Документы давай.

Он удручённо вздохнул, словно это все ему было в тягость и обменялся со мной документами.

Пол дела сделано.

Андрей заявился практически ночью, протарабанив весёлый мотив по входной двери.

— Заходи.

— Андрей? Что ты здесь делаешь?

Вера несказанно удивилась его визиту.

— На кухню. И ты тоже, — попросил я Веру, игнорируя ее непонимающее выражение лица.

— Давай бабки и разойдемся. У меня нет времени, — поделился Андрей с широким зевком. Явно старался показать, что делает мне одолжение своим визитом.

— Пять минут тебе погоды не сделают.

— Какие бабки? — Вера подозрительно посмотрела на меня. — Что случилось?

— А ты не в курсе? — Андрей сразу же оживился, предвкушающе распахнув глаза. — Этот опездол в армию уходит. Вот, даже сделку мне предложил, чтобы вместо меня. Под моим именем.

— Это правда? — Она пристально вгляделась в мои глаза.

— Правда.

— Да... Ты... У меня даже слов нет. Ты больной?

— А ты этого ещё не поняла? — Радостно влез Андрей.

— У тебя сотрясение. Какая нахрен армия? — Верка протестующие замотала головой.

— Успокойся. Давай хотя бы не при нем.

— А ты, — она перевела взгляд на Андрея, словно не слыша моих слов. — Ты хочешь, чтобы он умер что ли?

— Я был бы не против такого исхода. Только пусть умирает под своим именем.

— Нет, это... — Она приложила ладонь к глазам. Нервно сглотнула. — Это уже выше моих сил. Ты — придурок. Конченный.

— Вера...

— Да что, мать твою, Вера? Хочешь подышать — подыхай один. Вот сейчас с меня реально достаточно. Отбитый идиот!

Она судорожно вздохнула и в запале чувств пошла паковать свои вещи. Я вытащил из

ящика деньги с последнего боя, отсчитал нужную сумму и бросил на стол перед Андреем, вместе со своим паспортом.

Не дожидаясь его ухода, пошел в комнату.

Вера хаотично бросала свои шмотки в сумку, не обращая на меня никакого внимания.

— Давай поговорим.

— Я сыта по горло твоими разговорами.

— Вер.

Я протянул руку к ее плечу, но она дернулась в сторону, как чумная.

— Не трогай меня.

— Вер. Выслушай.

— Не хочу. Я не хочу ничего больше слышать. Хватит.

— Если я сейчас останусь, я точно загнусь. Не с Алиевым, так с Варданом. Мне нужно время чтобы все обдумать.

— И армия — это идеальный вариант, да?

Она оторвалась от своей сумки и подняла на меня глаза.

— Это отсрочка.

— Отсрочка чего? Твоей смерти?

— Вер, ты реально не понимаешь? Если я не приду в норму, то я точно сдохну.

— Да лучше бы сдох, чем вот так надо мной издевался.

Ее слова вогнали меня в ступор. Воспользовавшись моей заминкой, она утрамбовала свою сумку. Натянула лямку на плечо. С ненавистью посмотрела мне в глаза, ясно дав понять, что отступить не намерена.

— Отойди.

Я сдвинулся с места, открыв ей проход. Она протиснулась мимо со своим баулом, задев на прощание мое плечо.

Вполне ожидаемо хлопнула входная дверь, отрезвив мои мысли.

Больше у тебя нет пути назад, Архипов. И не будет.

Бог прячется,

Как только слышит выстрелы...

Аль Квотион

Бритоголовому строю не было конца и края. Все сновали туда-сюда по перрону, прощаясь с близкими. Я стоял посреди всего этого действия с сигаретой в руках. Меня то и дело задевали, извинялись и вновь толкали.

— Странная суматоха, — поделился я с Максом.

— Последние минуты свободы, — с жизнерадостной улыбкой проговорил друг, впитывая лучи солнца и радуясь жизни.

— Как по мне, так свобода начнется там, — ответил я, не разделив его энтузиазма.

— Конкретно твоя — возможно.

Я ухмыльнулся, поглядев в сторону толпы гражданских, стоящих едва ли не каждый со слезами на глазах.

По мне слезы лить некому, — подумал я отдаленно, сбрасывая пепел под ноги.

Верка, хоть и пришла провожать, испоганила весь настрой очередным скандалом. Пропустив все мимо ушей, я просто развернулся и ушел. Она ещё долго сыпала вслед проклятья, но, благо, другие голоса ее быстро заглушили.

Затушив окурок, я вскочил на ступеньку поезда. Бросил последний взгляд на ясное небо со спящим солнцем и вошёл в тамбур.

В нашем вагоне уже нечем было дышать от сигаретного дыма и паров спирта.

Макс уселся перед окошком и все с той же тупой улыбкой уставился на перрон.

Я привалился рядом, отрешённо глядя себе под ноги.

— Похож, — услышал я брошенное в мою сторону пьяным в стельку соседом.

— Что?

— На Карпа, говорю, похож, — пояснил он, посмотрев на меня мертвым взглядом.

— Не понял.

— Семыч, отстань, — попросил его друган, хлопнув пьянчугу по плечу.

— Пуля в череп его унесла. И остальных положили. У меня на глазах. Всех положили. — Несвязно поделился он со мной, смотря прямо, без вызова. А взгляд пустой.

— Перепил. С кем не бывает? — Влез его друг, подсовывая ему новую порцию водки.

— Не лезь, — спокойно попросил парень, отмахнувшись от водки. — Он понимает. У него взгляд такой же.

— Отдохни, Семыч. Желторотиков не пугай. Контрактник, — пояснил он нам, словно в этом слове крылся весь смысл пространного бреда этого самого Семыча.

— За своей шальной возвращаешься? — Спросил я, без особого желания ввязываясь в разговор.

— Зовут, — коротко ответил Семыч.

— Кто? — Не понял Макс, посмотрев на собеседника со снисходительной улыбкой, принимая все за пьяный бред.

— Не ты, он поймет, — кивнул в мою сторону. На миг в его глазах появилась искра эмоций и тут же пропала. Он уткнулся в одну точку и замер. Мышцы лица окаменели, словно он был уже не с нами.

Поезд, издав последний гудок, тронулся. Вагон потихоньку начал заполняться. "Желторотики", как прозвал нас компаньон Семыча, тихо переговариваясь, занимали свободные места. Глаза некоторых светились предвкушением. Большинства же убитой тоской оторванного от груди младенца. Но взгляд последнего вошедшего мне не понравился сразу. Слишком дерзкий, слишком самоуверенный.

Притупившаяся после разговора со странным соседом злость вновь взбунтовалась. Требуя выхода, найдя себе равного соперника. Увидев мою заинтересованность, молодой человек дерзко ухмыльнулся.

— Строптивая телка у тебя, — поделился он со мной. — Я бы вдул ей по самые кишки, чтобы захлебнулась своими проклятиями.

— Что сказал? — Я поднялся на ноги. Макс вцепился в мой локоть, принуждая уgomониться.

— Дима, Дима, — пискляво передразнил он Веру, сложив руки на груди.

Общая панорама резко поплыла. В поле зрения остался только этот урод с дерзкой улыбкой. Мгновение. И мой кулак добрался до его кривящегося рта. Другое мгновение. И я уже сижу на нем, занося кулак для очередного удара.

Мне хватило и минуты, чтобы выбить из него дурь, пока нас не растащили. Двое парнишек, лет восемнадцати, вытащили его в тамбур. Остальные притихли, оборвав все разговоры.

— Гниль, — сказал Семыч в образовавшейся тишине. Я залпом выпил водку из его стакана и вышел в тамбур покурить. Этого придурка там уже не было.

— Слышишь?

— Что? — спросил я у материализовавшегося за моей спиной Семыча. Уголок его губ дрогнул, словно он хотел улыбнуться.

— Опять зовут. Как выпью, так зовут.

— Не пей, — ответил я, чувствуя, как злость, найдя выход, медленно отступает.

— На трезвяну все хорошо помнится, — сказал он, привалившись к двери с сигаретой в зубах. — Легко убить, если не медлить.

— Убьешь — отпустит?

Он перевел на меня ничего не выражающий взгляд и покачал головой.

Я докурил и ушел, оставив его наедине с голосами. Больше я Семыча не видел, но этот странный разговор и мертвый взгляд долго не выходил из моей головы.

Месяц КМБ показался мне раем, тогда как Макс весь свой энтузиазм начал потихоньку терять. Мы сдружились с некоторыми бойцами, но особой сплочённости среди нас не было. Все прекрасно понимали, что ещё до присяги нас распределят по разным частям и дивизиям.

Сам день присяги не подарил мне особо никаких эмоций, чего нельзя было сказать о светящемся гордостью Максе. К счастью, нам удалось попасть в одно подразделение воинской части. Все вокруг сияли от радости, предвкушая пару часов со своими родными. Нам по этому поводу светиться было ни к чему. Ко мне все равно никто не приехал. Да я и не сообщал, куда меня, собственно, отправили служить. Макс своих отсеял сам, попросив не приезжать.

После торжественного построения, мы с некоторыми бойцами отправились сразу же в казарму.

— Приваливаемся, — с тяжким вздохом выдавил Макс, бросая сумку на нижнюю койку и плюхаясь в нее, как в кресло. Я уселся рядом, забросив свои шмотки наверх и посмотрел на парней, сидящих напротив.

— Рядовой Сороконог. Антон. — Представился плотный малый, на вид немногим младше нас.

— Сергей. Белозубов. — Вторил ему худой, как жердь, приятель.

Позднее в казарме их окрестили "Толстый и тонкий".

— Макс Антипов.

— Архипов... Андрей, — с непривычки вытолкнуть сквозь зубы имя брата получилось с небольшой заминкой. Я пожал им руки, ещё не зная, какая плотная дружба этим рукопожатием окрестилась.

Белозубов и Сороконог бойцами были так себе. К распорядку дня и ФИЗО были не расположены. Ориентирование на местности, стрельба, марш-броски — все это в первый месяц было им непосильно.

Серега больше был по части балагурства, тогда как Антон исполнял немислимые вещи на гитаре. Пацаны из детского дома. Им и гражданская жизнь-то была в новизну, что уже говорить об армии.

Мы учились. Волчьим законам жизни дет. дома и игре на гитаре — у них. Развитию выносливости и стоянию горой друг за друга они учились у нас.

Союз был странным и нелепым, но он приносил свои плоды.

К третьему месяцу службы, "Толстый и тонкий" уже были в равных весовых и качественных категориях с нами. Они втянулись в эту "мужскую школу жизни" и все чаще начинали грезить послеармейской свободой.

И мы вместе с ними.

Белозубов хотел поступать в театральный. Сороконог определил себя в музыканты. Макс мечтал о куче девчонок и беззаботной жизни. Я же думал о Вере, планируя по дембелю сделать ей предложение.

Но всё перечеркнулось в один из промозглых декабрьских дней.

Точнее, я сам всё это перечеркнул...

— Привет.

— Привет.

— Ну, как ты там?

— Нормально.

— Не скучаешь?

— Времени нет.

— Значит, не передумала?

— Нет.

— Ясно.

— Слушай, ты не вовремя. У меня времени нет.

— Торопишься куда-то?

— Да. Пока...

— Почта, Архипов.

— О, Андрюха, баба твоя активизировалась, — с ухмылкой проговорил Самохин. Тот самый урод, которому в поезде я начистил репу.

Пропустив его замечание мимо ушей, я с каким-то странным предвкушением ринулся к почтальону.

Получив письмо, отставил швабру в сторону и уселся на койку Макса.

— Счастливые, — Белозубов с завистью проследил за тем, как мы с Максом вскрываем письма.

Почему именно письмо — я понял не сразу. У неё ведь был номер Макса, могла просто позвонить.

В конверте друга было три листа, исписанных почерком старомодной матери, предпочитающей старый способ общения новому.

В моем только одна фотография. Сумеречная комната и двое на кровати. Вера и Андрей.

Не веря своим глазам, перевернул снимок и увидел ровный почерк брата.

"Она всё-таки сделала выбор."

И издевательская рожа, наспех намалеванная ручкой.

— Убью суку.

В мыслях зародился хаос, в то время как голос остался спокойным и беспристрастным. Простая глянцевая бумага стала ударом ниже пояса.

Такого я точно не ожидал.

Почуввав неладное, Макс кинул на меня взгляд. Белозубов и Сороконог переглянулись. Самохин, не веря своему счастью, тут же материализовался за моей спиной.

— А сучка-то не промах! Наставила рога.

С резкого разворота вцепился рукой в его шею и сжал, на сколько хватило сил. Он забрыкался. Захрипел. Кадык судорожно задёргался под моей ладонью.

Парни ринулись к нам и оттащили по разным углам аккуратно к приходу старшины Сколобова. Бегло оценив ситуацию, он кивнул мне на выход.

— Ко мне. Живо.

Я вырвался из захвата и побрел к коморке старшины. Он ввалился туда буквально через минуту и встал напротив, сверля меня взглядом.

— Архипов, ты...

— Я хочу перевестись на контрактную службу, — бросил, не дав ему договорить. Сколобов оценивающе прошёлся по мне, заиграл желваками и уселся на стул, положив ладони на стол.

— Ты хоть представляешь, чего ты хочешь?

Так некстати в памяти всплыл мёртвый взгляд Сёмыча. Его слова.

— Из-за бабы? Не стоит того.

— Я сам разберусь, что стоит, а что нет.

— Это горячка. Спонтанность.

— Не имеете права отговаривать, товарищ старшина. Свои три месяца срочной службы я прошел. Придраться не к чему.

— Послушай меня, Дима. Я не одного уже такого повидал. Кровь горячая, я понимаю. Рвётесь к черту в логово, а потом только куски в "черный тюльпан" собирают. И поминай, как звали. Кому что доказать хотите, хрен вас знает. Земле всё равно, кого в неё закапают. А баба потом даже слезинкой эту землю не польет.

— Как Вы сказали? Дима? — Переспросил я, подняв на него глаза.

— А ты что же думал, боец? Всех вокруг носа обвести? Силенок не хватит.

Я усмехнулся, потерев лицо непослушной ладонью.

— Оперативно работаете.

— Долг службы, — ответил старшина, протарабанив пальцами сбивчивый ритм.

— И почему молчали?

— А много вас таких что ли, рвущихся в армию? Служи спокойно, боец, а я и дальше молчать буду.

— Я хочу контракт, — едва ли не по слогам повторил я. — Если не Вы, то я обращусь к тем, кто мне с этим поможет.

— Три наряда вне очереди. Вы-пол-нять! — отчеканил мужик.

— Есть три наряда вне очереди.

— Я выбью из тебя эту дурь, — услышал, уже закрывая за собою дверь.

Неделю меня никто не трогал. Парни предпочитали не лезть ко мне с разговорами, в то время, как в моей голове зрел другой план.

Я знал, к кому обратиться с просьбой и обратился посредством письма. Через три дня старшина явился на кухню. Застав нас за кастрюлей с картошкой, он придвинул стул и сел напротив.

— Ты настырный, Архипов, — обронил он. — Какого черта?

Парни скосили на нас свои взгляды.

— Для чего тебе это дерьмо?

— Своего мало, — ответил, сбросив картофелину в воду. Старшина вздохнул, пригладив убеленные сединой вески.

— Товарищ старшина, разрешите задать вопрос, — осмелел наконец Макс.

— Отставить. Архипов, за мной.

Я поднялся и направился следом за Сколобовым. Заведя меня в свою каморку, он уселся в кресло и невидящим взглядом уставился в стол.

— Мы с Витькой Комаровым, царство ему небесное, через такие передрыги в Афгане прошли, что до сих пор забыть невозможно. Всю нашу роту положили у нас на глазах. Все такие же зелёные были.

— Это не Афган, Борис Игнатьевич.

- Одно другого не краше. Ты думаешь, там происходит то, что показывают в новостях? Поверь мне, боец, там в сотни раз хуже. Там война. И война не наша.
- Я так понимаю, пришел мой ответ?
- Пришел.
- Позвольте взглянуть?
- Три дня.
- Простите?
- Даю тебе три дня на то, что бы передумать.
- Зря потратите время. Я уже все решил.
- Решил? Ты решил? А матери твоей я как в глаза потом смотреть буду?
- Не переживайте, ее это не сильно покоробит.
- Да где ж вас таких индивидов производят? Черт с тобой, Архипов. Только мой тебе совет — гиблое это дело. Прерви контракт досрочно, ни к чему тебе это. — С явной неохотой, Борис Игнатьевич достал из секретера бумаги и положил передо мной. — Послезавтра тебя заберут, — проговорил напоследок.
- Всё, пацаны, бывайте. Лихом не поминайте.
- Я что-то сейчас не понял, — поделился Серёга.
- Подписал контракт. Послезавтра уезжаю.
- Куда?
- Куда отправят.
- Дебил, — глухо сплюнул Макс, отшвырнув нож в сторону.

Глава 2

Через день, собрав в рюкзак все свои немногочисленные шмотки, я отправился в неизвестность. Грузовик забрал меня у КПШ, сделав ради меня круг через весь город.

Провожать меня никто не стал. С позавчерашнего дня парни были молчаливы и переговаривались только между собой. Так, чтобы я не мог расслышать их диалога. Перед сном лишь пожелали "пера из жопы птицы, для лёгкого полета".

В машине сидели ещё пятеро без отличительных знаков на форме. Они молчаливо и сосредоточенно смотрели себе под ноги. Гробовая тишина резала слух. Из кабины не доносилось даже звука радио.

Впервые со дня принятия решения, я начал понимать, в какую задницу ввязался. Но отступить было уже поздно.

Мы ехали чуть больше двух суток, останавливаясь только по нужде. По началу все шло как по маслу. Нас, хоть и с явной неохотой, пропускали на каждом охранном пункте. Но уже на подъезде к точке нашей локации, начались помехи.

Вооруженные бойцы с недружественной стороны попросили всех на выход. Долго и муторно проверяли документы, досконально изучая цель нашего прибытия. Спустя три часа нервотрёпки нам наконец дали отрицательный ответ.

Матерясь на чем стоит свет, наши старшие загрузили нас обратно и тронулись назад. Проехали с два десятка километров и свернули в поле. Водитель высадил нас в неприметном местечке и поехал дальше.

— Ну все, бойцы. Дальше пешочком. К утру, даст бог, будем на месте, — известил тот, что остался за старшего. Кем он был в действительности — так и осталось загадкой. Для себя я окрестил его "Старшиной". Слишком уж был он похож на Сколобова.

Мы молча двинулись за ним через поле к чаще. Полуденное солнце слепило глаза, холод пробирал до костей. И вновь эта мертвая тишина.

Чаща сменилась занесенной снегом дорогой. Дорога сменилась селом.

Ни единой души. Полуразрушенные дома с выгоревшим нутром.

— Такие дела, бойцы, — тихо обронил старшина.

После села густой подлесок. Мы держались ближе к северу. Там, по его словам, было спокойнее. Частые насаждения скрывали собою все в радиусе около ста метров. Солнце сюда практически не пробивалось. Сухие ветки, которые строго-настрого приказали не обламывать, нещадно лупили по рукам и лицу.

Спустя минут пять, может десять, неподалеку послышалась канонада взрывов. Старшина поднял руку. Мы замерли, быстро спустив автоматы с плеча.

Через минуту все стихло. Не подавая голоса, он махнул вправо и двинулся сам в указанном направлении, умело выбирая оголённые участки земли. Стараясь избежать лишнего шума, добрались до речки. За ней, на сколько было видно, только густы ели.

— Дальше пойдем через лес, — шепотом известил мужик, шагнув в воду с автоматом наизготове. Я замыкал наше шествие, держа оружие при себе и оглядываясь по сторонам. Уже ближе к берегу речка неожиданно углубилась. Один из бойцов, не удержав равновесия на скользком дне, ухнул с головой под воду. Остальные тут же выставили свои АК, ожидая облавы. Её не последовало.

Парень благополучно выбрался на сушу, отбивая зубами чечётку. Переделся в полевую

форму, глотнул из фляжки старшины и мы поплелись дальше.

Уже в следующей деревне из этой фляжки глотнули все.

— Зачистка, мать его, — гробовым голосом известил старшина, глядя вместе с нами на два трупа возле первого же дома. Старик и молоденькая девушка. — Уходим, бойцы. Не чисто это все.

Во втором часу ночи мы наконец выбрались к месту нашего дальнейшего пребывания. Чуть дальше от патрулируемого блокпоста высился серый барак — временная база "наших".

Наше появление не вызвало абсолютно никаких эмоций у присутствующих внутри.

— Мы вас ждали ещё вчера, — обронил один из мужчин. По отсутствующим знакам отличия распознать его должность не представлялось возможным. Но мы все равно вытянулись по струнке, приставив пальцы к головным уборам.

— Здравия желаю, — хором отчеканили из последних сил. На нас лишь снисходительно махнули рукой.

— Через КПП путь отрезали. Пришлось идти в обход, — ответил наш старшина, стянув головной убор и пройдясь по волосам ладонью. То, как панибратски он вел себя с этим мужчиной, давало право предположить, что тот был либо должностью ниже, либо они были с ним в одних должностях.

— И что там в обходе?

— Никого.

— А объявляли временное перемирие. Уроды. — Сделав от души последнюю затяжку, мужик впечатал окурочек в банку из-под консервов.

— Вы ещё здесь? — Недовольно глянул на нас старшина. — В душ и по койкам. Утром в наряд!

— Есть!

Наскоро обмывшись и перекусив в столовой, мы вошли в казарму. Вялое оживление в ней действовало умиротворяюще. После долгой дороги без привалов, ноги уже начинали подкашиваться.

— А вот и пополнение, — бросил излишне знакомый голос из дальнего угла. Сфокусировав взгляд, увидел там старшего брата Малого — Антона. — Твою мать, — обронил он сквозь зубы, заметив меня. Но больше ничем не выдал того, что знакомы.

— Проходите, бойцы, — бросил один из служивых. Выглядел он старше других. На вид, лет тридцать. Но в таких условиях внешность не показатель. И двадцатилетний после года в таком месте может заметно постареть. Однако, то как на него косились остальные, выдавало в нем лидерское начало. — Сепуха, — представился он.

— Повитуха, — передразнил Антон, хлопнув того по плечу.

— Не наглей, Морж. Не порть мою репутацию.

— Арка... — начал было один из ребят, прибывших вместе со мной, но Сепуха его оборвал:

— Не знакомимся, бойцы. Не те обстоятельства. Сегодня друзья — завтра враги. Кто его знает, как карта ляжет. Отдохните с дороги. Возле Сёмыча койки свободны. Других, извините, нет. Придется потерпеть.

Услышав знакомое имя, мой взгляд заметался в поисках его обладателя.

— Там он, — кивнул Антон на угол, из которого сам недавно подал голос. — Эй, служивый. Пополнение прибыло. Не пугай зелень, сделай милость.

Он никак не отреагировал на его слова, продолжив пялиться в одну точку.

— Что с ним? — Спросил один из прибывших со мною.

— Контузия. Недалеко от блокпоста нашли. Хрен его знает, как сюда добрался. Их группа в сотне километров от нас в засаду попала, — проговорил Сепуха, обернувшись. — Уже неделю как овощ лежит. По ночам, правда, орет. Не пугайтесь.

— Здорово, Сёмыч.

Мертвый взгляд забежал по потолку. Голова медленными рывками повернулась в мою сторону.

— Смотрите, овощ ожил.

— Ты пришёл, — вытолкнул с хрипом из глотки. С нашей встречи в поезде он не сильно изменился. Разве что лицо было исполосованно свежими рваными ранами.

— Пришёл.

— А их опять всех положили.

— Зовут?

— Эти не зовут.

— Значит, отмучились, — ответил я, игнорируя непонимающие взгляды остальных.

— Ты понимаешь, — прошептал Сёмыч, едва разлепив губы. В уголках пустых глаз скопились слезы. — Они — нет. Будущие трупы. Все. Ты останешься. Останешься. Не привыкай. Не будут звать.

— Поспи, Сёмыч. — Я сжал его подрагивающую ладонь без одного пальца. Не говоря ни слова, он медленно закрыл глаза. Слезы скатились вниз, дыхание стало ровным.

— Отдыхайте, бойцы, — прочистив горло бросил Сепуха и отвел от нас взгляд. — Время не резиновое.

Глава 3

В первый же день заступа на дежурство, нас отправили сопровождать колонну гуманитарной помощи. Она прибывала с границы, проходила через наш блокпост и направлялась в город.

Охранял, как правило, целый взвод.

Нас запихнули в старый, выдавший виды УАЗик и отправили вперёд. За нами шла колонна, по бокам ее охраняли ещё два УАЗа, четвертый замыкал шествие.

По дороге нас никто не побеспокоил.

Гражданские, изредка встречающиеся на улицах, спешили расчистить дорогу, убравшись от нас подальше. Военные с дружественной стороны пропускали свободно, только проверяли документы. Бойцы недружественных сторон все время ставили палки в колеса, заставляя выгружать едва ли не все содержимое фуры.

В пути мы были около двух суток. Этого времени мне хватило, чтобы сотню тысяч раз вспомнить слова Сколобова — здесь война. И война не наша.

Главный мост разбомбили, пришлось ехать в объезд. Дорога была ущербной, нас то и дело подбрасывало на колдобинах и трясло из стороны в сторону. На периферии многие здания были полуразрушены. В некоторых домах вообще не было ни одного стекла. Не пустовали только редкие квартиры. Видимо, лишь по той причине, что людям больше некуда было податься.

Чуть ближе к городу дороги были буквально изрешечены снарядами. Их здесь, как я уже понял, не жалели. Практически на каждой улице сгоревшие танки и БТРы. Трупов видно не было, но исходя из новостей, которые мы смотрели ещё в воинской части, я знал, что жертв было не мало. Особенно в этой части страны, куда нас забросили.

И на каждом сохранившемся здании одна и та же надпись — "Здесь люди".

Люди. Которых не было видно. Даже одинокой тени. И конвоируемая нами гуманитарка, целенаправленно прущая мимо этих надписей...

Уже на обратном пути, мы едва не попали под обстрел. Редкие пули прошили брезент нашего УАЗика, чудом ни в кого не попав. Не задев колонну, огонь ушел на север. Мы притопили газу. Вмешиваться было нельзя. Приказ был доставить колонну в целости и сохранности, а не разворачивать боевые действия там, где нас не просили.

Оставив нас на нашем КПП, колонна двинулась дальше. В потёмках мы добрались до барака, где царило оживление. Из казармы доносился звук гитары и тихие голоса, распеваящие ЛЮБЭ.

Войдя внутрь, слегка опешил. В центре толпы, рядом с Сепухой и Антоном, сидели Макс, Серёга Белозубов и Сороконог со своей гитарой.

— И снова здорово, — радостно воскликнул Серёга, заметив меня первым.

— Какого хрена вы здесь забыли?

— Смотри-ка на него! Мы столько проехали, подарочек ему сделать хотели, а он нам не рад, — с наигранным унынием протянул он.

— Не скаль зубы, Зубоскалов. — Антоха, намеренно исковеркав фамилию друга, хлопнул его по плечу, оторвавшись от своей гитары. — Говорили же тебе, он нам рад не будет. Но, все равно, привет, друже.

— Как в пути?

— Их машину обстреляли, — ответил Сепухе один из бойцов, кивнув в мою сторону. — До нас не добрались.

— Ну, все вижу, розовощекие. Значит, без потерь. И то, хорошо, — проговорил Антон Мержинский или, как его здесь прозвали, Морж. — А товарищ твой тут нам такую свистопляску ночами устраивал. Мама не горюй! — Поделится он со мной. — Слышь, Сёмыч? Вернулся твой боец, — крикнул он в сторону. Сёмыч никак не отреагировал.

— Знакомить вас, как я вижу, не придется, — отозвался Сепуха. — Хреново, конечно. В одной части столько знакомых. Чем вы думаете, хрен вас разберёт.

— Твоя идея была? — Обратился я к Максусу.

— Общая.

Мне осталось лишь покачать головой. Такого поворота я не ожидал.

Одно дело — моя горячка. Мне терять было нечего. Пять лет по краю ходил.

Другое дело — они. Молодые волчата, только начавшие жить. И Макс, на плечах которого мать со слабым сердцем и вечной гипертонией.

Стянув рубаху, направился к своей койке. Остановился возле Сёмыча. Он, как и всегда, пялился в одну точку. Положив пальцы на запястье, нащупал слишком частый пульс. Одному богу известно, что в эти секунды творилось в его голове.

Почувствовав моё прикосновение, он сжал ладонь в кулак и закрыл глаза.

Я забрался под свое одеяло и уснул мертвым сном, даже несмотря на безрадужные мысли о новом пополнении.

Глава 4

Рано утром меня, Сороконога, Макса, Серёгу, Мержинского и Сепуху отправили на смену охране блок поста.

В нашем распоряжении была маленькая постовая будка с тремя стульями, столом и электрическим чайником внутри.

Жители ближнего села, спешившие в город, подозрительно косились на наши новые рожи, попутно приветствуя Сепуху. Ближе к обеду к нам заглянула молоденькая девушка.

— Тебе что-нибудь нужно? — Спросила она у Сепухи.

— Купи пачку сигарет, будь другом.

— Хорошо. — Заинтересованный голубой взгляд прошёлся по нам. Сороконог тут же подобрался. По всему было видно, что девушка пришлась Антохе по душе.

— Как зовут Вас, прелестное создание? — Поинтересовался он.

— Лена.

— О, как! Елена, стало быть? Не та ли самая прекрасная Елена, из-за которой началась троянская война?

— Вот сейчас вообще не в тему, — ответил за девушку Серёга, разумно оценив сложившуюся вокруг ситуацию.

— Каюсь, немного занесло.

Лена задорно рассмеялась, поселив на наших лицах слабую улыбку.

— Ну а вам, странные обольстители, что-нибудь нужно в магазине?

— Молотый кофе, если возможно, — подал я голос, нашарив в кармане купюру. И только вытащив ее на свет, сообразил, что деньги наши и вряд ли будут здесь котироваться.

— Где ты его варить собрался? — Хмуро уточнил Сепуха, не разделяя общего веселья.

— Давай, что-нибудь придумаем. — Елена вытащила из моей руки банкноту и засунула в свой карман. — Больше ничего? Тогда я побежала.

— Возьми кого-нибудь с собой.

— А вот его и возьму, — кивнула на Сороконога. Тот засиял сродни золотому пятаку.

— Лучше этого, — указал Сепуха на меня. — Он понадежнее выглядит.

— Этот нам нужен здесь, — вмешался Мержинский.

— Вот и решили. Пошли, боец.

Сепуха с мрачным видом проводил их взглядом и зажал между зубами спичку.

— Кто она тебе? — Поинтересовался Серёга.

— Двоюродная сестра.

— Так ты местный, Сепуха? — Крайне удивился Мержа.

— И что с того? — Не понял он. — Война не выбирает, кто местный, кто приезжий. Всех одинаково у стеночки поставят, если проиграем. Вот только на хрена это *вам*, я не пойму. Претесь сюда, будто медом помазано. Отбитые вы, бойцы. Честное слово.

— Сколько тебе лет, Сепуха? — Не в тему спросил я.

— Тридцать пять.

— По контракту родину защищать пошел?

— Я свою семью защищаю. А что до родины. Так ее уже давно продали. Ещё с первой кровью ребят. Это бессмысленная война, бойцы. И ваше нахождение здесь ещё бессмысленней. Вы здесь даже не люди. Так, мясо, без имени и документов.

— Именно поэтому знакомство с нами ты считаешь бесполезной тратой времени? — Его слова вызвали во мне раздражение, хотя они и не были лишены смысла. Только лишь многим позднее я понял всю суть его ответа на мой вопрос:

— Нет, бойцы. Это простое уважение. Завтра мне могут сделать более выгодное предложение и я уйду туда, лишь бы сохранить жизни тех, кто мне дорог. Вас сдавать не хочется, в одной упряжке всё-таки. А вы рты не разевайте. Здесь убить русских ополченцев — что-то сродни достать трофеев. И у кого этих трофеев больше, у того и жизнь в шоколаде становится. — Он стянул из вазочки шоколадную конфету местного производителя, повертел ее в пальцах и отшвырнул в сторону. Выбравшись из будки, он уселся на нижнюю ступеньку, положив автомат на колени.

— Прав был старшина, здесь ловить нечего. Разве что свою шальную в тыкву, — отстраненно проговорил Макс.

— Чего тогда сюда припёрлись? — Разумно поинтересовался Мержинский.

— Какой-то черт его сюда дёрнул. А мы за ним.

— Ему не впервые, — сказал Антон, лично бывший свидетелем некоторых моих безрассудств. Наша дружба с Малым завязалась раньше, чем с Максом. Мы росли на глазах Антохи и Юрца, часто по юности отхватывая от них за свои геройства.

— Не впервые, — повторил Макс с усмешкой. — А сдохнет он здесь, нам потом как быть? Не уберегли, не остановили, рядом не были. Я мелочь за собой не тянул. Они сами настояли.

— Да даже если сдохну, мне терять особо нечего. У тебя мать дома. Одна. Ты об этом подумал?

— Подумал, когда уже поздно было, — честно ответил друг. — Так что, тебе, Архипов, есть теперь, что терять.

Нас сменили ровно в шесть утра.

Невыспавшиеся бойцы были злыми, как собаки, норовящие то и дело за что-нибудь укусить. Сепуха это быстро пресек. Ему хватило лишь один раз на них гаркнуть.

— Наш товарищ снова всю ночь орал, — поделился один. — Походу, его стоит вместе с Архипом в караул отправлять.

— Может, усыновишь его? — С издёвкой предложил другой. — Будешь ему хорошей мамочкой.

Воцарилась гробовая тишина.

— Бог тебе судья, боец, — ответил я, контролируя себя из последних сил. — Когда будешь в госпитале под себя ссаться от осколочка в темечке, вспомни тогда свои слова. Смерть с вывернутыми потрохами раем покажется.

Я вышел, не став слушать его дальнейших слов. Добравшись до барака, завернул на кухню.

— Турки не найдется? — Спросил у сонной поварихи, сидящей возле чана с кашей.

— На полке посмотри.

Прошарив взглядом все полки, отыскал-таки запыленную турку с отломанной ручкой. Хорошенько ее промыв, насыпал кофе, залил водой и поставил на газ. Через пару минут, когда поднялась пена, с помощью прихватки поднял турку, стараясь не наследить на плите. Разлив на три кружки, поставил одну перед поварихой, две забрал с собой.

В казарме царила практически полная тишина. Половина завалилась на боковую с

ночного дежурства, половина отправилась на подмену. Не спал только Сёмыч.

Мне было не понятно, почему его до сих пор держали здесь. За ним и Антоном, как я понял, ещё позавчера должна была приехать машина. Мержинского должны были прикрепить к другому взводу на востоке страны. Сёмыча отправить в военный госпиталь там же. Не лучший, правда, исход для повторно вернувшегося контрактника.

— Не спишь? — Я сел на стул, рядом с его кроватью, поставив две кружки на тумбочку. — Кофе хоть со мной попей.

Подхватив за руку, напрягся и приподнял его, подтянув к изголовью.

— Не дело целый день валяться. Пневмонию подхватишь.

Я не знал, достигали ли мои слова его сознания или нет. Но мне, по сути, это было безразлично. Из всех окружающих, мне казалось, только он один понимал, в какой жопе мы здесь находимся и какая ещё ждёт впереди.

Поднеся к его губам горячую кружку, слегка наклонил, чтобы жидкость попала в рот. Семыч сделал судорожный глоток, прерывисто задышал и перевел на меня взгляд.

— Тишина, — едва слышно вытолкнул он, вместе с хрипом. — Мертвая.

— Угу. — Я сделал небольшой глоток, чувствуя, как кофе медленной тягучей волной обжигает трахею.

— Умерли. Все.

— Не твоя вина.

Я вновь поднес кружку к нему. В этот раз прилагать усилий не пришлось, он сам сделал глоток.

— Слышал где-то, что натуральный кофе понижает риск слабоумия, — поделился я. Уголок его губ дрогнул, словно он оценил мою шутку.

За окном потихоньку рассвело. Кофе кончился, неожиданно быстро оказавшись в мочевом пузыре. Хотел было уже отправиться по нужде, но в какой-то момент в мозгу перемкнуло.

— Давай, Семыч, натягивай портки. Прогуляемся.

Бросив ему одежду, принялся ждать. Руки судорожно схватили штаны. С трудом справляясь, он все же их натянул. С обувью я помог сам.

Приложив некоторые усилия, сумел поднять его на ноги. Перекинув тяжёлую руку через плечо, буквально волоком вытащил Сёмыча из казармы. Встретившиеся в отходнике бойцы, удивлённо вытаращились на открывшуюся картину. Больше всего удивились, когда с положенными процедурами он справился сам.

После, натянув на него свою куртку, выволок Сёмыча на улицу. Усадив его на лавку, принял упор лёжа на промерзлой земле и приступил к положенным нормативам.

К девяти из села прибежала санитарка с медицинской сумкой наперевес. Обвела всех испепеляющим взглядом, увидев, что ее подопечный уже не валяется мертвым грузом на постели, а вполне сносно на ней сидит.

— Кто его поднял?

— Ну, я.

— С мозгом дружишь? Ему прописан полный покой.

— Такой покой приведет только к атрофии мышц.

— Ты медик?

— Отнюдь.

— Тогда давай каждый будет заниматься своими обязанностями.

Расчехлив сумку, она достала оттуда новый подгузник, систему и два флакона для капельницы.

Ее всполошность и тихий бубнеж разбудил Сепуху. Он уселся на кровати, посмотрев в нашу сторону осоловелым взглядом.

— Слушай, Архип. Тебе чего не спится?

— Когда его заберут? — Поинтересовался я, следя за манипуляциями суматошной женщины. Ее квалификация вряд ли была способна поднять Сёмыча на ноги.

— Кто его куда заберёт? Его списали уже давно, — отозвался Сепуха, вновь укладываясь. — Смотри правде в глаза. Вы здесь никто и беспокоиться о вас никто не будет.

Это был первый и единственный раз, когда я решил позвонить матери. Взяв у Макса телефон, вышел из казармы и уселся на лавку, где меня никто не мог бы подслушать.

— Алло?

— Дай номер моего лечащего врача.

— Дима, ты? Что случилось?

— Номер врача.

— У тебя какие-то проблемы?

— Послушайте, Алина Анатольевна, у меня нет ни времени, ни желания объяснять. Дай номер, на том и разойдёмся.

— Дима, где ты? — Впервые в ее голосе промелькнул намек на беспокойство.

— Там, где мне и положено быть. В армии. Так что, дашь номер или как?

— Да, сейчас. Подожди.

— Смс-кой скинь.

— Хорошо, а...

Не став дослушивать, отключился. Через минуту сотовый брякнул. Пришел обещанный номер.

— Слушаю.

— Добрый день, док. Узнали? Архипов Дмитрий.

— Архипов? Узнал. По какому поводу звонишь?

— Консультацию по телефону не проведёте?

— Что стряслось, пациент? — Сквозившая в голосе усталость сменилась на профессиональную заинтересованность. Уже хоть что-то.

— Восстановление после контузии. Что нужно делать?

В трубке повисла пауза.

— Я тебя правильно понял, Архипов, ты всё-таки слинял в армию?

— Частично. Не о том вопрос.

— У тебя контузия? Слишком бойко отвечаешь для пострадавшего.

— Не у меня. Так Вы мне поможете, док?

— А что с профильными специалистами? Или ты мне настолько доверяешь, Архипов?

— Нет здесь профильных. Было бы иначе, я бы Вас не беспокоил.

— Даже не буду вдаваться в подробности о твоём местонахождении, пациент.

— И на том спасибо.

— Какой степени контузия?

— Об этом объективно судить не могу. Обследования не проводились.

— Общую картину обрисуй. Какое лечение предпринимают?

Вкратце описав ситуацию Семыча, получил развернутый метод лечения.

— Помни, Архипов, главное — не навредить, — подытожил врач с усталым вздохом и отключился.

Дни, пропитанные сонным коматозом, закончились. Воодушевление, с которым я занялся Семычем втихая от санитарки, вернуло в мою душу немного спокойствия. Он не шел на поправку, это правда. Но прогресс был. Не явным, но заметить его я мог.

Как-то вечером в казарму наведалься Старшина, застав всех врасплох. Мержинский резво сгрёб карты в кучу и засунул под тумбочку.

— Все в сборе?

— Кроме постовых, — отозвался Сепуха, скидывая последнюю карту.

— Хрен с ними. Кто не успел — тот в дураках, — поделился Старшина, затаскивая деревянный ящик. Следом двое караульных внесли подносы с нехитрой снедью.

— Праздник какой-то?

— Кому праздник, а кому полвека.

— Поздравляем, — отчеканили хором, вытянувшись по струнке.

— Под трибуналом поздравлять такими темпами будете. Чего орете?

— За полвека — по полста не плохо бы...

— Запомни, Морж: алкоголики всегда ищут повод выпить и утешение, что выпили по поводу.

— А на войне и повода не нужно.

— Повода и войне не нужно.

— Сегодня-то хоть...

Старшина махнул рукой и вытащил из ящика бутылку. Разлил по кружкам и опомнился.

— Просчитался. Тебе-то нельзя, — напомнил Сёмычу.

— Один раз... можно.

Сёмыч слегка подался вперёд и плохо слушающейся рукой вцепился в ручку кружки. Мозг его по-прежнему плавал где-то в глубинах сознания. Редкие просветления сами по себе были для нас праздником, как и тихие спокойные ночи. По большому счету он молчал, но хотя бы двигался, более-менее сносно себя обслуживая.

— Пожелать... тебе хочу. Вернуть... их... матерям живыми.

Старшина посмотрел на него исподлобья. После обвел каждого взглядом.

— Пусть так и будет.

— Чего к ней жмешься, как к бабе? — Изрядно захмелев, именинник перевел блестящие глаза на Антона, обнимающего свою исписанную ленинградку. — На кой черт вы сюда явились, музыканты — балагуры? Патронам песни петь? Или байки танкам травить? Давай, заводи шарманку. Артист, мать твою...

Господа, офицеры,

По натянутым нервам...

... И так до бесконечности.

По-пьяни, как я узнал позднее, Старшина ловил клин. И от лишних "полста" зависал на грани реальности. Всё начиналось с "Офицеров" и заканчивалось воспоминаниями о Чечне.

-.. Придёт одна смерть в парандже, а потом грузом 200 весь взвод домой летит. У кого ноги нет, кто по пояс, а кого вообще внутри нет. Потому, что и собирать нечего...

— Слушай, завязывай, — попросил Сепуха.

Старшина вскинул на него мутный взгляд. Долго и тщательно рассматривал, словно пытаясь вспомнить, кто он такой и что вообще здесь делает.

— А что ты скалишься? — Наконец поинтересовался он. — Думаешь, здесь по другому

будет? Кого растяжкой зацепит. Кто на "лепесток" наступит.

— Иди воздухом подыши.

— Пошли покурим, Старшина.

Он усмехнулся, глядя в свой бокал. Кивнул и поднялся.

— Думаешь, контуженный? — Спросил, когда мы вышли на улицу. — Не контуженный.

Другой жизни просто не знаю. Страшно и не понятно там, на гражданке.

— А здесь не страшно?

— За себя — нет. За вас страшно. У меня-то там никого не осталось. Мать от инфаркта скончалась, когда меня из запаса в Грозный вызвали. Отец в тюрьме закончил. А с семьёй так и не сложилось. Дураком становлюсь, как выпью, — он опустил голову, словно извиняясь за порыв откровенности. — Не отпускает Чечня. Грузом лежит.

Сквозь дым своей сигареты он впился в меня долгим, тяжёлым взглядом. В котором, как мне показалось, я уловил тень знания будущего. Нашего общего здесь будущего.

— Сколько тебе, боец?

— Двадцать четыре.

— Что, жизнь не в радость была?

— Шило на мыло поменял.

— Кем на гражданке-то был?

— Скажу, бандитом, согласишься?

— Убивал?

— Не доводилось.

— Когда убьешь — поверю. Вот тогда и поймёшь. И меня, и Сёмыча того. И что смысла во всем этом нет. А на гражданку вернёшься либо контуженым, либо сопьёшься.

В словах его было что-то такое, что натолкнуло на мысль о неотвратимости ещё не начавшегося действия. Не начавшегося, но уже запустившего механизм.

— Думаешь, вернусь?

— Вернёшься. Только рад не будешь, что вернулся. Как они все перед глазами пройдут...

— Не рано хоронишь, Старшина?

Он сделал глубокую затяжку и вышвырнул окурок в снег.

— До половины ещё не дошло, что это не армия, где всё чётко и ясно. Отслужил — вернулся. Попрут на нас и передохнем все. Поминай, как звали. Бессмысленная война. Бессмысленные жертвы... Если хватит потом сил жить по-человечески — считай, что повезло.

Он бросил последний взгляд на небо, засунул руки в карманы и побрел обратно к бараку. Спустя минут пять оттуда громыхнула гитара и Антоха на сорванных связках проорал:

— Злая пуля, учи меня жить...

Было ещё кое-что, наложившее на меня печать ответственности.

Ночью, спустя неделю после дня рождения Старшины, Макс силком вытащил меня из койки. Провёл по тёмному коридору до душевой. Яркий свет потолочной лампы ударил в глаза. Я проморгался и оглядел всю собравшуюся компанию. Мержинский, Антон, Серый, Макс — во взгляде каждого присутствовала недоступная мне тайна.

— И?

Серёга ухмыльнулся и раскрыл кулак. Под светом лампочки тускло блеснуло новое лезвие.

— Заняться нечем?

— А ты не ершишься, Архипов. Чего ершишься? Знаем мы, что твоя кровь дорого стоит. Но не дороже ведь наших жизней?

— Сделает она тебе погоду, Мержинский, кровь моя?

— Чем не повод проверить?

Брат Малого аккуратно вытянул у Серёги лезвие, подошёл к раковине и спокойно полоснул ладонь.

— Клянусь, в какой бы передрыге ни оказались, буду за вас горой. Сам сдохну, но каждого из вас вытащу. Ваша кровь — теперь моя кровь....

— Клянусь.

...

— Клянусь.

...

Серый выжидающе посмотрел на меня, взяв запачканное лезвие в пальцы. Я скользнул взглядом с него на остальных. Мержинский — подневольный, в некотором плане, служивый. Выбравший военную карьеру вместо тихой размеренной жизни. Моя ответственность за него ему погоды действительно не сделает. Сам знал, на что шёл. Другая ситуация — Сороконог и Белозубов. Восемнадцатилетние птенцы с неопределённой судьбой, попавшие сюда по моей вине. Им было нечего терять. Но лишь потому, что они ничего ещё и не обрели. И Макс, свято чтивший нашу дружбу. Он считал своим долгом оберегать меня от глупостей. Хотя чаще от глупостей оберегал его я.

— Ну, Андрюха, — поторопил Серый, неосторожно чиркнув поперёк линии жизни. — Твою мать...

— Да не Андрей я. Дима.

...

Оставив алую борозду на руке, положил её поверх Серегиной.

— Клянусь.

Тонкий едва заметный шрам, оставшийся на всю жизнь, не раз после спасал меня от горячки. Буквально жёг кожу, стоило мне вспомнить клятвенные слова Мержинского, под которыми мы все подписались.

Клятва на крови.

Там, на гражданке, я посчитал бы это глупостью. Но у войны были свои суеверия...

Солнечный зайчик

Десять часов утра. КПШ.

На посту были буквально все. Усиление.

Ещё вчерашнее официальное перемирие сменилось необъявленной войной.

До нас она ещё не дошла. Но её отголоски уже были слышны вдалеке.

С утра мимо поста не прошел ни один гражданский. Из местных с нами была только Лена.

Её присутствие здесь было лишним. Но даже война не могла затмить их бурный роман с Антохой.

— На ливер всех пустят скоро, а вы тут шашни крутите, — скрежетал зубами Сепуха.

— Какой грозный братик, — неизменно отзывалась Лена. — Сам когда с Людкой связался — обо всем забыл.

— У Людки хотя бы голова есть. Уехала подальше.

— Если я тебя так напрягаю, могу уйти!

— Сиди! Наружу не высывайся.

Сплюнув разжеванную спичку в кучу таких же, Сепуха зажал в зубах новую. Подхватил автомат и вышел на улицу, бросив напоследок:

— Не нравится мне всё это.

— Достал!

— Прав он, Ленка. Не место тебе здесь, — отозвался Антоха.

Началась очередная перепалка, слушать которую не было ни сил, ни желания.

Осушив залпом бокал с остывающим чаем, выбрался вслед за Сепухой.

Он стоял чуть поодаль, сверлил мрачным взглядом белое небо.

Закурив, протянул ему пачку. Он молча вытащил сигарету. Постарался прикурить. Спички гасли одна за другой.

Плюнув, воспользовался моей зажигалкой.

— Предчувствие нехорошее, — поделился он, оглядываясь по сторонам.

— Не нагнетай.

Вдалеке послышался взрыв. Сразу за ним залпы.

— Тринадцать, — отстранено подсчитал Сепуха.

— Вчера двадцать девять было.

— День только начинается.

— Пацаны, дайте сигарету.

К нам подошёл Серёга. Было в нем что-то странное в эту минуту. Какая-то отчуждённость вкупе с лихорадочным блеском в глазах.

— Не куришь же.

— Страшно, пацаны.

Подрагивающей рукой он достал из пачки сигарету и зажал её посиневшими губами.

— Что страшно? Не по нам лупят, — отозвался Сепуха, чиркнув перед его лицом зажигалкой.

— Умирать страшно.

Голос у Серёги был отрешенным. Через силу он выдавил из себя широкую улыбку. Но и

она получилась какой-то жуткой.

Всмотревшись внимательнее, заметил черные круги под его глазами.

Сами глаза как-то впали, а кожа приобрела серый оттенок. На лбу проступила испарина, которую он тщетно пытался смахнуть — она появлялась вновь.

— Четырнадцать, — продолжил подсчет Сепуха. — Пятнадцать...

В обед белые тучи расступились. Проглянуло солнце.

Залпы стихли и воцарилась тишина. Подозрительная и гнетущая.

— Слабали бы чего, артисты, — подал голос Мержинский, опустив подбородок на колени.

Серёга, тремор с которого спал, протиснулся к будке. Вытащил свою ленинградку и уселся на нижнюю ступеньку. Следом вышли Антон и Лена.

Глаза девушки сияли. Антохин же взгляд остановился где-то позади наших спин.

Обернувшись, не увидел ничего стоящего, кроме разлапистых елей.

Напряжённо дзынькнула гитара. Перебор выливался в странную мелодию, которая то и дело захлебывалась. Промерзлые пальцы Сереги мазали мимо струн.

— Погреться у нарисованной печки,

Послушать несуществующий голос,

Он тихо споеет тебе о хорошем,

Красивом, которым полон твой дом.

А где он, ты это силишься вспомнить

И ночью, рождая странные мысли,

Приходишь к уже потрепанной фразе,

Что лучше оставить все на потом.

И встретив свое имя на одной из могил,

Ты с ужасом почувствуешь, что ты уже был...

— Лучше заткнись, — попросил Антон, сжав ладошку Лены.

— Ой, смотрите! Солнечный зайчик.

Я медленно обернулся. Жёлтое пятно гуляло по её лицу, заставляя щурить глаза.

— Ложись, дура!

Одним рывком бросившись вперёд, Антон сбил её с ног.

Выстрел.

Второй.

Антон замер с широко раскрытыми глазами. По виску побежала багровая дорожка.

Визг Лены оглушил.

— Стой!

Поздно.

Овраг. Метровые сугробы. Ели.

Автоматная очередь за спиной.

И белая спина впереди, удаляющаяся в лес.

Стать третьей жертвой снайпера мне не довелось. Скинутую с плеча СВД заклинило в самую последнюю секунду. Заминки хватило для того, чтобы мой нож вошёл в незащищенное бронезиловым телом.

Хрип.

Удар.

Ещё один.

Ещё.

Ещё.

И ещё...

Руки в крови. Во рту привкус железа. По лицу кровь.

Красный нож. Красный снег.

И красные пятна в глазах.

— Всё уже. Всё!

— Отпусти!

— Всё, Архип. Мёртв!

— Отпусти.

— Приди в себя, твою мать!

Красное месиво медленно отдалялось.

Ещё не всё!

Не так быстро...

Брыкнулся, повалив Мержинского в сугроб. Сам упал рядом.

Перекатившись, он навис сверху и щедро влил спирт из походной фляжки мне в рот.

Трахею сперло.

.. Мне восемь.

Утро.

Я выхожу на кухню. И первое, что попадает в поле моего зрения — большой сом в раковине.

Он жадно загребает ртом воздух и хлопает о железный край хвостом.

Дзынь. Дзынь.

.. И что? Ради чего всё это было? Десять лет коту под хвост. — Голос матери чуждой и отстранённый.

Она сидит на стуле и вертит в руках бокал с чаем.

— Алин, давай не сейчас, — просит отец, отворачиваясь к окну.

— Почему не сейчас-то?

Дзынь. Дзынь.

— Не при детях хотя бы.

— А-а-а! Ты о детях вспомнил?

— Алина...

— Что, Алина? — Дзынь. — Что, Алина? Дети у него... Пусть знают дети, какой у них отец. Сволочь и мразь. Променять семью на какую-то вишивую официантку...

— Хватит.

Дзынь. Дзынь. Дзынь.

— Я ещё даже не начинала. "Всю жизнь на руках носить буду. Горя знать не будешь. Подарками осыплю!" Вот все твои подарки за десять лет, — кивок в мою сторону. — Её, небось, больше балуешь?

— Алин...

Дзынь.

— Да уйми ты эту рыбу! — Зло рывкает мать на меня.

— Как я должен её унять?

Бокал громко хлопает о столешницу. Стул издает противный скрип, оставляя следы на

паркетe.

Мать подходит к мойке, достает нож и вонзает его в рыбину.

— Вот... так. Взять нож... и... унять, — каждое слово она сопровождает новым ударом лезвия.

Я замираю, не в силах отвести взгляда от её рук, планомерно покрывающихся кровью.

Ещё минуту назад живая, рыба на моих глазах превратилась в решето.

— Совсем крыша поехала? — Отец подобрался к ней со спины и прижал к себе.

Нож выпал. Окровавленные руки задрожали.

— Что ты за чудовище, Алина?..

Чудовище.

Темная казарма. Тридцать коек.

То там, то здесь раздавались поскрипывания и тихие шорохи.

В эту ночь вряд ли кто-то заснёт.

А она, ночь, выдалась на удивление спокойной.

Не было слышно постоянного свиста "Градов" и взрывов, долетающих сюда с мест боевых действий.

Не было слышно ветра и воя собак.

Она словно насмеялась над нами, получив две жизни в обмен на спокойствие.

Когда убеждал себя в том, что мне нечего терять, я и помыслить не мог, что что-то всё-таки осталось. Большое и незримое, что не давало мне перешагнуть черту.

Человечность.

Это была она. Но я лишился и её.

Лишился подле того, кому она вовсе не была знакома.

Должно ли это меня успокоить?

Успокоить, когда за стенкой лежат двое моих друзей в "черном тюльпане", ещё утром ходившие по этой земле.

Война.

Я в полной мере осознал, что у этого слова был солоноватый привкус железа, бешеная боль потери и безысходность. Понимание собственного бессилия, когда на твоих глазах убивают невинных ребят. И лучшее, что ты можешь сделать — убить в ответ.

Я прекрасно понимал, что мои действия подставили под удар всех остальных.

Не сегодня — завтра до нас доберутся. И малой кровью мы не отделаемся.

Но поступить иначе не смог. Наши дни итак уже были поставлены на счётчик...

Когда всё в моей жизни пошло наперекосяк?

Когда я связался с Верой?

Когда стал участником этих грязных игр Рустема?

Или всё началось гораздо раньше и корни этого шли из детства?

Я не смог бы дать на это вразумительного ответа.

Одно лишь знал точно — это всё уже не игра.

А моя дикая животная реальность.

И чем дальше она меня вела, тем страшнее становилось...

Утро четвертого дня со смерти ребят стало для всех фатальным.

— Вот и пришёл пи**ец, — спокойно констатировал Сепуха, когда все подскочили с постелей от раската взорвавшегося снаряда.

— Боевая готовность, бойцы!

В казарму ворвался взъерошенный Старшина. Обвёл всех тяжёлым взглядом.

— Со слухом плохо? Боевая, мать вашу, готовность! — рывкнул, что есть мочи. — Влезаем в портки и автомат подмышку! Пока ливер целый...

— Севушонок! Севушонок, мать твою! — Зарычал он в рацию. — Подкрепление. Срочно. Сами не справимся.

....

— Херня какая-то... Обстреливаем и позиций не меняем. Накроют всех нахрен! — Поделится артиллерист из прибывшего подкрепления.

— Что ты мне это говоришь? Командиру скажи. Приказ здесь стоять, — безрадостно отозвался Старшина. По его мрачному взгляду было понятно: дело — дрянь. Просканировав глазами батарею САУ, он схватился за рацию и отдалился.

— Под расходник пустили, — заметил Сепуха, проводив взглядом Старшину.

— Кого? — уточнил один из зелёных, в панике прижавшись к автомату.

— Кого, кого. Нас. Не вывози, боец. Без тебя тошно.

В стороне брякнул мобильник. Я обернулся. Макс вытер о куртку вспотевшую руку и принял вызов.

— Привет, мам...

...

— Да, всё хорошо. Ты сама как?

...

— Да нет, всё нормально.

...

— Мамуль, мне сейчас некогда.

...

— Кто стреляет? Да на полигоне мы. На учениях.

...

— Правда, мам. Я тебе перезвоню, хорошо?

...

— Всё, давай.

Скинув вызов, дрожащей рукой засунул мобильник во внутренний карман. Сепуха осмотрел его прищуренным взглядом. Качнул головой и вставил в зубы сигарету.

— Откуда ты ей перезванивать собрался? С того света?

— Заткнись, Сепуха.

— Заткнусь. Все мы сегодня заткнёмся.

Встретившись со мной взглядом, Макс отвёл глаза в сторону. Но я всё равно уловил его страх. Лишний раз напомнив себе, что он здесь по моей вине.

...

— Так. Ты, ты, ты и ты, — командир поочередно ткнул пальцем в меня, Мержинского,

Макса и одного из местных призывников. — Пёхом через лес. Тихо и незаметно. Через час жду точной информации по единицам техники и живой силы.

— А...

— Что-то не понятно?

— Может, Сепуха с нами? — Предложил Мержинский, но тут же осёкся, наткнувшись на взгляд Старшины, стоящего возле командира.

— Вы-пол-нять!

— Есть выполнять.

В сумерках дорога через лес едва различалась. Мы старались ступать бесшумно, но то и дело натыкались на промёрзлый сухостой, которой хрустел от каждого прикосновения.

Спустя полчаса выбрались к оврагу. Едва перебравшись по обмёрзлой запрошенной земле, ступили на поле, как Мержинский тихо приказал:

— Ложись.

Мы одновременно ухнули вниз, прижавшись к заснеженной земле.

— Там, — указал он вперёд.

— Твою мать, — протянул Макс.

Буквально в сотне метров от нас стояла колонна из девяти танков. Антоха потянулся за рацией.

— Старшина... Старшина...

Сквозь помехи мы едва уловили ответ с того конца.

— Танки. Девять.

— Рацию убери! — Успел предупредить я, вдавив голову Мержинского в сугроб.

Мимо проехали три танка боевого охранения. Их можно было даже потрогать рукой.

— Вашу ж...

— Бойцы! Бойцы, вашу мать! Приём!

— Двенадцать, Старшина, — прошептал Антон со сбившимся дыханием, смахнув с лица другой рукой снег.

— Не слышу! Бойцы! Приём! Что за чертовщина?!

— Двенадцать танков! Старшина!

— Квадрат?

Указав квадрат скопления техники, Мержинский получил предупреждение об артиллерийском обстреле. Прижав рацию к себе, еле слышно выдохнул.

— Ждём.

Ждали около часа, основательно укапавшись в снег. Но обстрела так и не последовало.

Спустя время к танкам подъехала пехота на "Камазах", и войска стали рассредотачиваться.

— Это всё на нас? — уточнил Макс охрипшим шёпотом, подув на окоченевшие пальцы.

— За селом второй КПП. Там ребят побольше. Оттуда и пополнение приходит, — пояснил Антон, не отводя взгляда от танков. — Чего они там, уснули все? Старшина! Приём!

Танки и пехота медленно двинулись к селу, по пути разделяясь.

— Старшина!

— Слышу тебя, — в рации раздался голос командира.

— Пятнадцать "Камазов" с людьми и двенадцать танков, товарищ командир! Двинулись в вашу сторону. Окружают.

— Понял, — коротко известил он, оставив после себя помехи на линии. Больше

связаться с ними не удалось.

— Что делать будем?

— А что мы сделаем, Архип? Лучшее, что мы можем сделать — сидеть и не высовываться.

— По-сучьи это, Антоха.

— А что не по-сучьи, Димон? Мы обстрел попросили, они спасовали.

— Перебьют же.

— Ну, вали, герой. Спасай всех своим калашом.

Повторять дважды не пришлось. Отлипнув от заснеженной земли, подобрал калаш и на негнущихся ногах двинулся обратно.

— Стой, придурок! Куда тебя понесло?

— Да пошёл ты.

Нагнали меня метров через двести в густом ельнике.

Держа автоматы наготове, мы молча продвигались к селу.

Окоченевшие ноги вязли в сугробах. Буквально через каждый метр кто-то спотыкался, валился, но мы упорно двигались дальше.

— Я сейчас сдохну, — поделился Макс мимоходом.

Антон молча достал из-за пазухи флягу и протянул ему. Макс сделал глоток, поперхнулся и передал мне.

Принятое на грудь отрезвило, вопреки всему.

Послышался взрыв.

Ещё один.

Пулемётная очередь.

Не сговариваясь, ринулись вперёд. Забив на сухостой и на предупреждения Старшины, что его обламывать нельзя.

От бомбёжки закладывало уши. Предчувствие дурного только придавало сил.

— Ложись!

Голос Мержинского тягучей удушливой волной протянулся по морозному воздуху и утонул в очередном взрыве.

То, что открылось нашему взгляду, иначе как адовый штурм не назовешь.

Барак и село накрыл ракетный смерч. Лупили туда, где уже ничего толком не осталось. Словно ставили жирную кровавую точку.

Опоздали.

— Командир... Старшина... Приём! Приём! — Как в бреду повторял Антоха в рацию, перекрикивая взрывы.

Два часа и ничего. Рация молчала.

— Старшина! Приём!

— Завязывай, — попросил я. — Нет там никого.

— Старшина! Вашу мать. Старшина!

Разжав руку с окровавленными, содранными об обледеневший снег пальцами, я выхватил рацию и засунул в свой карман.

— Осталась водка? — Отрешённо поинтересовался зелёный, волей судьбы спасшийся с нами.

— Нет ни черта, — отозвался Макс.

Спустя минут тридцать "Грады" затихли. Танки и пехота двинулись дальше.

Мы пролежали в снегу до утра, наблюдая за подходящими колоннами снабжения врагов. Всю ночь пытались связаться с командованием, но рация молчала.

На связь вышли только утром.

Узнав о случившемся, один из командования приказал выдвигаться к штабу, о расположении которого мы узнали только что.

Спустившись на ватных ногах со склона, двинулись к бараку.

Ничего.

И никого.

За перекопанной взрывами землёй не было видно даже крови. Только пять трупов ребят у входа.

От барака осталось одно название.

— Куда тебя черти?.. — Вяло бросил Мержинский мне вслед.

Пробравшись через завалы, едва сумел выбраться к казарме.

Посреди комнаты огромная воронка. А вокруг ребята.

Крепко сцепив челюсти обвёл взглядом руины.

Различив знакомый силуэт, аккуратно ступил к нему.

Целёхонький.

Слабый проблеск надежды угас едва стоило приложить пальцы к его шее.

— Сука! Сука! Сука!

Глаза заволокла пелена слёз.

Вцепившись двумя руками, перевернул тело Семыча. Под ним лежала гитара Серёги. Верхняя дека треснула, разделив пополам наши подписи. Правая рука крепко сжалась на фляжке Старшины. Взгляд упёрся в низкое серое небо.

— Прощай, Сёмыч, — прошептал я, навсегда закрывая его веки.

Вытащив фляжку, поднял гитару.

— Спи спокойно, бойцы...

Парни стояли у входа, мрачным взглядом сверля развалины. Свинтив с фляги крышку, сделал глоток и передал остальным.

— Что там?

— Все наши.

Что-то в этих словах не давало покоя, но я никак не мог сообразить что.

На влажную от слёз щеку упал снег. Подняв глаза увидел большие белые хлопья, повалившие с неба.

— Уходить пора, — обронил Антон, бросив мимолётный взгляд на гитару в моей руке.

Идти решили через просёлочную дорогу. Таким образом наткнулись на "УАЗик" с тремя бойцами.

— Бьём по стёклам и дверям, — предупредил Мержинский. — На раз, два, три...

Били напрасно. Бойцы оказались мертвы. Оставив их чуть поодаль от обочины, забрались в машину и тронулись дальше.

— Вы как хотите, а я спать, — поделился Макс, сворачиваясь на заднем сидении.

— Гиблое дело, — отозвался Мержинский, подкуривая сигарету.

— Всё равно сдохнем. Так хоть во сне.

Антон сделал затяжку и передал мне.

— Тебя-то как зовут? — Обратился к зелёному не оборачиваясь.

— Игнат.

Я посмотрел через треснутое зеркало заднего вида. Игнат на вид был не старше Серёги с Антоном. Что его сюда привело — оставалось только догадываться. На горячку и спонтанность его поведение похоже не было. Он больше походил на зашуганного забитыша, который своим поступком вряд ли кому-то что-то мог бы доказать. Жался к автомату, словно в этом железе было его спасение. Пугливо озирался по сторонам и вздрагивал от каждого шороха.

Вероятно, так и должны вести себя юнцы, попавшие с уюта родительского дома прямиком на войну.

Только взгляд его мне совсем не понравился. В нём скользило лёгкое безумие. И эта лихорадка в руках, сжимавших калаш...

Я всерьёз обеспокоился тем, не поехала ли от увиденного его кукушка.

— Поспи, Игнат.

Он вздрогнул от моего голоса, шкрябнув ногтями по цевью.

— Фляжку дай, — попросил я Антоху. Тот молча протянул мне тару. — Не мне. Емму дай.

— Я не хочу.

— Пей!

Подозрительно на меня покосившись, он скрутил пробку и сделал глоток.

— До дна пей.

— Ты чего, Архипов? — Не понял Антон, приняв нервозность парня за шок от пережитого.

— Ничего. Пей, говорю!

Влив в себя через силу часть горючки, отставил флягу в сторону.

Усталость вместе с принятым на голодный желудок отрубили его через пару минут.

— Нахрена ты ему всю водку скормил?

— Ты видел его вообще? Он уже готов был нас всех перестрелять. И через минутую другую перестрелял бы.

Антон обернулся и ещё раз посмотрел на зелёного.

— Ты сам-то как? — Спросил у меня. — Справишься? — Кивнул на баранку под моими ладонями. — Прикорну на полчаса. Потом подменю.

— Справлюсь.

За рулём я просидел около двух часов. Мержинский спал и просыпаться не думал. Макс с Игнатом тоже были в отключке. Последний, правда, постоянно вздрагивал, заставляя меня держать его в неусыпном контроле.

За весь путь мне не встретился ни один человек. Село пострадало от штурма хуже нашего барака. Радовало, что всех мирных вывезли оттуда на следующий день после гибели Сороконога и Белозубова.

Мимо второго КПП, который, вероятно, и являлся основной целью штурмовиков, мне проехать не довелось. Оно и к лучшему.

Уже на подъезде к другому селу меня начало окончательно вырубать. Остановившись посреди дороги, повернул голову к Антону.

— Антоха. Мержинский, твою мать!

— Что случилось?

— Давай, передвигай свой зад. Я уже не могу.

— Всё, всё. Сейчас.

Антон с трудом разлепил сонные глаза. Откинул голову назад и уставился в крышу кабины.

— Эх. Такая тёлочка приснилась... Формы... Веришь?

— Поднимай задницу!

С сожалением выбравшись на улицу, он набрал в руки горсть снега и растер лицо. Сделал несколько приседаний и наконец сменил меня.

Я провалился в сон сразу. Вопреки Мержинскому с его тёлочками, мне не снилось ровным счётом ничего.

Сколько я спал точно не знаю. Полчаса, может, меньше.

— Твою мать! Твою мать... Твою мать...

Машина запетляла. Я резко открыл глаза.

— Валим! — Крикнул Антоха, вырвав в сторону леса. Первый заряд миномёта чудом промахнулся.

Распахнув на ходу дверь, Мержинский выскочил напрямик в сугроб. Мы следом.

Уходили зелёной. Настолько быстро, насколько могли.

По следу никто не отправился, но стоило быть начеку.

— И куда теперь? — Осведомился Макс, проверив сигнал на своем мобильнике. Сигнала не было. Рация тоже молчала.

— А я знаю?

— Ты же у нас теперь вместо командира.

— Так, стоп, — Антон остановился. Засунув руку в карман, извлёк компас. — Двигались на юг. Отклонились на север. Поворачиваем и вперёд. Думаю, к утру будем на месте. А может и не будем...

— Зашибись речь!

— Есть вариант лучше?

— На юг, так на юг.

На месте мы оказались раньше.

Выбравшись из леса, прошли ещё около трёх километров и наткнулись на здание какого-то заброшенного завода. У входа караул.

Один из караульных проводил напрямик до командования.

Сказать, что мы были удивлены знакомой рожей командира, ещё вчера отправлявшего нас в разведку, — ничего не сказать.

Честь пересказывать о случившемся выпала Мержинскому. Ни у меня, ни у Макса желания с ним общаться не выявилось.

— Контрактники? — Уточнил командир, с отстранённым видом выслушав детальный рассказ.

— Так точно, — отозвался сквозь зубы Антон.

— Я по призыву, — вставил Игнат. Его слова утонули в шорохе бумаг.

— Думаю, говорить вам о том, что всего произошедшего не было не стоит? И не надо на меня так смотреть. Сколько до срока осталось?

— Четыре месяца.

— Четыре, так четыре, — колючие, глубоко посаженные глаза лениво скользнули по нашей четверке. — Проводи до расположения, — приказал он караульному.

— Розовощекий, гад, — процедил Антон, выйдя из кабинета следом за нами.

После скудного перекуса, мы выбрались к казарменной части.

В спальном кубрике оказалось не меньше трёх десятков бойцов. Даже не вдаваясь в подробности, было ясно, что больше половины из них оказались здесь так же, как и мы.

Затянувшееся молчание прерывать никто не спешил.

Бегло скользнул взглядом по серым лицам с потухшими глазами. Над каждой головой зависло невидимое клеймо: "Пушечное мясо". В мозгу всплыли едва разборчивые слова: "Не привыкай. Не будут звать."

К черту. Нет на войне друзей.

— Койки свободные есть? — Спросил я, устраивая раздолбанную гитару у стены.

Отсканировав взглядом инструмент, один из бойцов кивнул в сторону идеально заправленных коек.

— Ребят вчера увезли, — фраза, как неизбежность. Увезли. И нас увезут. Как скот на убой.

В первые дни я подметил, что снарядов здесь не считали. Сейчас же я понял, что наши жизни были сродни этим снарядам.

Кто и с кем воевал — неизвестно. Мы просто шли под расход без какого-либо смысла. А командиры вроде нашего, подлизывая зад офицерам, зарабатывали звёзды на погоны.

Минус батальон — плюс звезда.

Простая страшная арифметика...

Мы пробыли здесь месяц. В этих заброшенных заводских руинах нас готовили. К чему? Одному богу известно.

КМС или курс молодого смертника, как прозвали эти учения мы про себя, включал в себя усиленную рукопашку, сражение на ножах и ведение дальнего и ближнего огневого боя.

Стойкое ощущение того, что мы оказались на втором уровне какой-то западни, крепло с каждым днём. Вышел с первого уровня целехоньким — получай новые знания. А дальше уж как попрет.

По правде сказать, из всего этого мне не пригодилось ровным счётом ничего.

Здесь действовало только одно правило — стреляй первым. Это правило было прописано кровью погибших бойцов и отступить от него означало — умереть.

После КМС, собрав нашу личную информацию в дела и взяв подписку о неразглашении, нас загрузили в два КАМАЗа и отправили к черту за пазуху. И оттуда у нас было только два пути: остаться в живых или подхватить свинца в висок. И, как известно, второй вариант был вероятнее первого.

Так бы оно и вышло, но...

Глава 8

— Знаешь, чего я хочу больше всего? — Спросил меня как-то Мержинский.

— Чего?

— Выбраться из этого дерьма и пустить свинец в висок этого уroda.

Даже не вдаваясь в подробности было ясно, что речь шла о командире.

— Не они наши враги, Димон, — сказал Антон спустя минуту молчания. — Враги те кто нас сюда отправил.

Правда в его словах была.

В целом, у меня сложилось верное представление. Мы действительно были расходным материалом. Только я ошибся во времени. Там, на КПП, мы делали нужное дело. Не связывались в войну, охраняли.

Здесь же... Просто убивали. Без цели. Без смысла.

Понятие "враг" было размыто до такой степени, что само командование не имело точного определения этого слова.

Врагами были те, кто ложил наших налево и направо, просто потому, что они были не за них.

Врагами были бойцы, выполнявшие так же как и мы, приказ сверху: мочить без права выбора.

Врагами были и те, кто схватился за калаш для того, чтобы защитить свой дом от нас, которых сюда никто не звал.

Спустя месяц я понял, что врагами на самом деле были мы сами. Но пути назад я для себя не искал. Видя, как с каждым штурмом редели наши ряды, помня, как без какой-либо заминки они уничтожили наш барак и всех, кто был внутри, я твердо решил, что не уйду отсюда, пока не вынесу пару десятков бойцов за пределы жизни.

Мозгом понимал, что смысла в этом нет. Как обронил однажды Старшина: "Око за око — весь мир ослепнет."

Но обострившееся чувство справедливости твердило об обратном.

— А мы тогда кто? — Спросил я у Мержинского. Мы сидели в окопе плечом к плечу и драили до блеска свои калаша. Просто, чтобы скоротать время, которого у нас и так было не много.

— А кто мы? Пешки. Такие же, как и они. Нам сказали — мы сделали. Только если ты думаешь, что у этой игры два игрока — ты сильно заблуждаешься. И черными и белыми играет одна рука.

— И чья?

— А оно тебе надо? — Ответил он вопросом на вопрос. — Вот и я думаю, что не надо. Твоя задача — башку от капусты отличать, да стрелять метко. Останешься жив — поразмышляешь над игрой. А подохнешь, так и груз с плеч.

— Смотрю я на тебя, Антоха, и в толк не возьму. Нахрена ты в органы подался? У тебя мышление как у мародёра. Тебе бы в банду главарём.

Мержинский ухмыльнулся.

— Тупой юморок вернулся, смотрю? Жить будешь. — Немного подумав, всё же решил ответить: — Таким же дураком, как и ты был. Подался от нехер делать, вот и барахтаюсь теперь как могу.

— Чего не уйдешь?

— Как у вас всё просто: уйдешь, не уйдешь. Кто меня, голубчика, отпустит? — Антон вздохнул. Не тяжело и обречённо, а скорее по привычке. — Мать там как, интересно? Последнее время на сердце жаловалась. Ладно, живы будем — не помрем. Такая вот хрень, Димон: утречком я как-то так заплутал и услышал трёп офицера с летёхой. Короче, валить они отсюда собираются. И валить по-быстрому. Главным какую-то крысу штабную оставляют.

— С чего вдруг?

— А поди спроси. Дырку в лоб от своих же получишь. Короче, дело солярой пахнет. А теперь слушай сюда. На рожон не лезь. Это не наши разборки и не наша война.

— Как ты себе это представляешь? Они в бой, а мы как крысы?

— Засунь свою совесть и дело чести себе знаешь куда? Кого и от кого мы здесь защищаем? Своих мы там оставили, в бараке. Здесь у нас своих нет. Здесь каждый сам за себя.

Через два часа после нашей беседы командование тихо отчалило.

А ближе к вечеру начался целенаправленный штурм.

Били, казалось, со всех сторон. Основной целью были не мы, а наше укрытие. Когда миномёт задохнулся, в ход пошла живая сила.

Глядя на бледного Макса, прятавшего мобильник в один из потайных карманов, я придержал свою решимость послушаться совета Антохи. Остался на месте, отстреливаясь из окопа.

Поступал ли я тогда правильно, я не задумывался.

Отвлекся на долю секунды и едва не получил пулю в затылок. Она просвистела в сантиметре от уха и взрыла землю у моей головы. Резко развернувшись с автоматом наизготове, первое, что увидел — точно такое же дуло, смотрящее на меня в упор. А за ним и взгляд. Холодный, немигающий. Без тени сомнения.

И только в ту секунду я наконец понял, что не давало мне покоя там, в полуразрушенном бараке.

Понял ли Старшина это раньше нас? Или поддавшись интуиции, заткнул взглядом рот Мержинского, когда тот просил отправить Сепуху вместо Игната с нами в разведку.

Так или иначе, но Сепуха оказался не просто жив, а ещё и вполне здоров. Стоял напротив, отсвечивая вражеской нашивкой на форме и плавно жал на спусковой крючок.

Выстрел.

Второй.

Третий.

Ни один не попал в цель.

Невесело усмехнувшись, Сепуха запустил руку в свой карман, следя взглядом за дулом Мержинского. Антон медлил, но уверенно держал его на мушке.

Вытащив на свет гранату, Сепуха швырнул её к моим ногам и быстро скрылся из виду.

— Ложись!

Отшвырнув автомат, Мержинский бросился на меня, успев оттолкнуть Макса в сторону.

Рвануло. Но в метрах трёх от нас.

Перед моим лицом лежала целая граната с чекой. А рядом с ней шоколадная конфета.

Цели нас убивать Сепуха не преследовал. Дал шанс на спасение? Возможно.

Я отчётливо вспомнил его слова там, в сторожке: "Завтра мне могут сделать более выгодное предложение и я уйду туда, лишь бы сохранить жизни тех, кто мне дорог... Убить русских ополченцев — что-то сродни достать трофей. И у кого этих трофеев больше, у того и жизнь в шоколаде."

Сжав конфету в кулак, впервые за долгое время я рассмеялся.

Звуки автоматных очередей удалялись на восток, а я лежал на земле и хохотал сквозь слезы.

Попытка нормальной жизни

Приказ об увольнении в запас дошёл до нас спустя месяц окончания контрактной службы. Постарался ли в этом командир или приказ в действительности нас долго искал, я не знал.

Выдав скопом контрактную зарплату в меньшем, чем стоило, количестве, повторно проинструктировав о неразглашении, командир посадил нас в машину гуманитарки, отправлявшуюся на границу с нашей страной.

Проезжая мимо частично восстановленного КПП, не сговариваясь стянули головные уборы. Проводили взглядом яркий летний пейзаж, перекрывший взгляду дорогу к бараку и опустили глаза вниз.

— Будь оно всё проклято, — выдохнул Антон, привалившись затылком к холодному кузову, обтянутому брезентом.

Оставив нас на приграничном вокзале, гуманитарка тронулась дальше.

Ближайший поезд был только ночью.

Мы заняли одну из лавок у перрона и просидели всё оставшееся время в тишине. Молчание было тягостным и гнетущим, но ни один из нас так и не решился раскрыть рта. Выказывать мнимую радость от предстоящего возвращения домой было бессмысленно. Радости не было и в помине. Из всей бригады дом увидим только мы...

Через сутки тишина в поезде сменилась гомоном и пьяным хохотом. Отслужившие "деды" праздновали дембель в соседнем купе.

Беспокойный сон как ветром сдуло. Пролежав на полке ещё минут десять, я спрыгнул вниз. Подхватил со столика пачку сигарет и направился к дверям.

— Не ввязывайся, — бросил вслед Антон.

— Не собирался.

Путь к тамбуру был перекрыт. В коридоре толпилось около пятнадцати вчерашних солдат.

Выудив сигарету, привалился к ближнему окну и закурил, безучастно глядя на веселье.

— О, да мы тут не одни, — подал голос стоящий в метре от меня дембель. Шум наполовину стих. Ещё пятеро обернулись в мою сторону. Кто-то из толпы вальяжно хохотнул.

— Да какой с него дембель? Грибник какой-то. Ветром походу занесло.

— Что за форма, боец? — Развязно уточнил один, едва ворочая языком.

— Какие-то проблемы? — Спросил я спокойно, скользнув взглядом по его парадному кителю. Моя простая "стекляшка" без знаков отличия смотрелась на его фоне скудно и ущербно.

— Проблемы? — Переспросил, пьяно усмехнувшись. — Это он мне, падла, прс проблемы? Вот это видел? — Он ткнул пальцем в погоны на левом плече. — Не научили тебя, молокососа, как разговаривать со старшим по званию?

— Ты научи. В чем дело?

— Ах ты, сука! Пока вы тут, грибники сраные, в лесу с сучками копаетесь, мы там долг родине отдаем. Чтобы потом такую суку как ты защищать. А ты мне ещё и дерзишь? Убью, нах...

— Так убьешь или защитить? Я что-то не понял.

— Он что, издевается что ли? Ну ты нарвался, хрен собачий!

Вовремя заметив его движение, я сместился ближе к своему купе.

Описав ногой дугу, он встал в стойку и резко выкинул кулак в мою сторону. Поезд трянуло. Не удержав равновесия, он полетел вслед за своим кулаком и рухнул на грязный заплыванный пол.

— Ты чё, сука? — Ошалело выдохнул его компаньон, посмотрев в сторону поверженного друга. Затем перевел глаза на меня и отшатнулся, встретившись со мной взглядом. Весь его боевой запал как-то резко стих. Остальные рвения выяснить со мной отношения не проявили.

Сделав последнюю затяжку, я щелчком вышиб окурок в окно и зашёл обратно в купе.

Выйдя с вокзала я немного растерялся. Вокруг туда-сюда сновали люди. Обычные, нормальные люди, спешащие на поезд и встречающие кого-то. Они не смотрели по сторонам, полностью углубившись в свои проблемы.

— Чего встал? — Дерзко выкрикнул парнишка, бежавший вслед за своими родителями и натолкнувшийся на меня. — Слепой, блин, что ли? — Пробубнил себе под нос, обведя безучастным взглядом нашу троицу в камуфляже.

Антон похлопал меня по плечу и подтолкнул вперёд. Пока мы шли до маршрутки, я всё время непроизвольно оглядывался по сторонам, ища какой-то подвох в неожиданно позабытой городской суете. На автомате сжимал покрепче гриф гитары, не соображая, что это вовсе не приклад.

В маршрутке я принялся внимательно разглядывать лица пассажиров, боковым зрением держа жесты каждого из них во внимании. Когда моложавый мужик резко вскинул руку к своим волосам, я едва сдержался, чтобы эту самую руку не перехватить.

— Уймись, Архипов, — тихо проговорил Антон. — Дома мы. Дома.

— Выпить надо, — констатировал он спустя пару минут. — Сейчас ко мне зарулим.

— Я — пас, — ответил Макс. — Мать ждёт.

— Ну а ты?

— А меня никто не ждёт, — отозвался я, придвинув гитару поближе, чтобы освободить проход бабушке с полной авоськой.

— Вот и ладушки. А то того гляди тронемся скоро.

Соскочив на остановке, оставили Макса и тронулись дальше пешком. Купили две бутылки водки и зарулили к дому Мержинских.

Дверь открыл Юрец.

— Здорово, братуха, — радостно гаркнул Антон, отесняя брата с прохода. — Не ждали? А мы припёрлись, — поделился он, с грохотом скидывая берцы. — Твою мать, как без них хорошо то!

Юрец молчал, каким-то контуженным взглядом наблюдая за братом.

— Давай проходи, Димон. Чего встал? — Антон поднял на меня глаза, проследил за моим взглядом и заткнулся. Радостная улыбка потихоньку начала сползать. — Юрец? Ты чего? С похмельюги что ли?

— Где ты был, сука? — Тихо спросил Юрка, резко выдохнув носом воздух.

— Чего?

— Я тебя спрашиваю! Где ты, сука, был?

Что-то в его мозгу перемкнуло. Я успел заметить кулак, но не успел ничего сделать.

Антон отшатнулся, очумело уставившись на брата. Тот занёс кулак для нового удара, но тут уже Антон его опередил. Заломил руку и припечатал к стене. Юрец громко сглотнул и медленно осел на колени. Задрожал, судорожно втягивая воздух сквозь зубы.

Словно что-то почувствовав, Антон шагнул в сторону зала. Бросив последний взгляд на Юрца, я вошёл следом. В глаза сразу же бросились две фоторамки с серванта. Обе с черными лентами. Мать и Малой.

— Когда?

— Четыре месяца прошло.

Видя смерть каждый день начинаешь к ней привыкать. Но это там, на войне. А на гражданке. К этому готовы мы не были. Я медленно опустился на подвернувшийся табурет и тупо уставился на радостное лицо Малого, смотрящего на нас сквозь стекло фоторамки.

— От тебя ни слуху, ни духу. Мать подкосило. А потом и Малой с наркотой. В октагоне приставился, на дозу зарабатывал. Не выдержала. Обширный инфаркт.

Антон сделал глубокий вдох и резко выкинул кулак в сторону серванта. Стекло разлетелось, резанув его руку. Порезы медленно наполнились сочащейся кровью и она потекла вниз по опущенной руке. Я смотрел на багровые капли, падающие на светлый ковёр и не мог сделать и вдоха. Внутри меня в этот момент словно взрывалась раз за разом "лимонка", разрывая аорты и лёгкие.

Малой и наркота? Это я допустить мог. Малой был склонен ко всякого рода авантюрам, а в его театральных кругах вертелось не мало подобных авантюристов. Но октагон?

— Кто с ним дрался? — только и спросил я, подняв голову. Юрец долго смотрел мне в глаза, плотно сжав челюсти.

— Последним был Андрей, — ответил спустя минуту. Поспешно отвёл взгляд, налил из початой бутылки в рюмку и залпом осушил.

В голове ухнуло. Уши заложило, как во время бомбежки. Не отдавая себе отчёта, я подошёл к столу и хлебнул из его бутылки. Бросив последний взгляд на фотографии, развернулся и тихо покинул квартиру.

С детства знакомый двор. Дом. Подъезд. Обшарпанные стены, пестрящие матерными надписями.

Я ступал бесшумно, по вбитой в кровь привычке. Сам до конца не понимая, к чему готовясь, преодолел пять лестничных пролетов и постучал в дверь.

Открыли спустя каких-то пару секунд.

— Дима?

В проёме стояла Вера. Смотрела ошарашенно и как-то запуганно. А я не менее ошарашенно смотрел на её круглый живот. Заметив мой взгляд, она опустила глаза вниз и рефлекторно прижала ладонь к животу.

Собравшись с силами, сделал глубокий вдох. Скрипнул зубами, стараясь унять свою ярость, волнами накатывающую на сознание.

— Я... Мы... — Она пыталась что-то сказать, но я её даже не слышал. — Прости, — выдохнула она.

— Андрей где?

— Дим, не надо...

Тяжело вздохнув, поднял глаза к потолку. Лишь бы лишний раз не видеть того, что стало финальной точкой наших отношений.

— Где он?

— Дим, я прошу тебя.

Вновь перевел глаза на неё. Вера ступевалась. Сжалась под моим взглядом, закрыв живот двумя руками и отступила на шаг в глубь квартиры.

— Счастлива?

— Дима...

— Уверена в завтрашнем дне теперь? — Она промолчала. А я трижды проклял свой язык. Не за этим я здесь. — Последний раз спрашиваю, где он?

— Здесь.

Обернувшись на голос, увидел застывшую маску на лице брата. Он приближался, а я продолжал стоять. В уме против воли выстроилось множество комбинаций ведения боя, но ни одна из них так и не пошла в ход.

— Андрей.

— Всё нормально. Зайди в дом, — проговорил он, не отводя от меня глаз.

— Андрей, Дима. Не надо, прошу вас!

— Вер, всё хорошо, — обронил он с напускной уверенностью. Он понял, зачем я пришёл. И понял, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Внизу подожду. Спускайся, — сказал я. Последний раз посмотрел на Верин живот и пошёл вниз.

Андрей вышел спустя минут десять. И тут же словил удар в солнышко. Согнулся, привалившись к стене, пытаюсь сделать хоть один вдох. Оторвав от стены, силой выволок его за угол дома. Ещё один удар по печени. На этот раз его перекосило вбок. Оттянув за волосы, посмотрел прямо ему в глаза.

— Спокойно спишь?

Он молчал, стискивая зубы от боли. Отпустив его волосы, отступил на шаг. Справившись с приступом боли, он встал в стойку, сделал рывок в мою сторону и отлетел от сильного пинка в живот.

— Она сделала выбор.

— Ты тупой или прикидываешься? — Спросил склонившись над ним. — Малого, сука, за что?

Андрей закашлялся, сплюнув кровь.

— Я не убивал его, — услышал я сквозь хриплое тяжёлое дыхание.

— Кто?

— Не знаю.

— Кто?

— Я не знаю!

Резкий выпад в челюсть, который он даже не попытался сгладить. Позади хрустнула ветка и послышались торопливые шаги по направлению к нам.

— Хватит, — тихо, но твердо проговорил Антон, подняв меня за руку наверх.

— Костоправ его увёл после боя. Больше я его не видел, — выдавил Андрей. Оперевшись на кулаки, попытался подняться. Если бы не Антон, удерживающий меня на месте, подняться он бы не смог.

— Узнаю, что врешь — убью, — пообещал я напоследок перед тем, как Мержинский силой меня увел.

— Слушай, Архип. Ты в себя приди! Где и с кем ты собрался тягаться, опомнись.

— Ты меня не лечи, Костоправ. По делу говори, — оборвал я, прямым взглядом впившись в черные стекла его очков. Мы сидели в захудалой забегаловке, в самом конце зала. Он непрестанно вертел в руках зажигалку, то и дело вздрагивая. Его нервоз открыто бросался в глаза, ясно выдавая в нём нарика, время кайфа в котором подходило к концу. Простой потерянный человек, готовый за дозу продать всё, что ему дорого. Но я почему-то был уверен, что мне он врать не станет.

— По глупости малец загнулся. Внутричерепное кровоотечение. Не жилец был. Я сразу сказал: не моя область, в больницу надо. А кто подставляться будет? Он на гере сидел. Воронку открыл, а это уже, — Костоправ дёрнул головой, оставив мне право додумать. — Ну ты не дурак, сам должен понять, что к чему.

Рад бы не понимать, но понял. Одного ухватить не мог — как не вычислил этого раньше. Если "воронка", то сидел Малой уже давно. И судя по всему, прочно.

— Ну дали бы ему отсрочку в больнице. А дальше что? Лучше так.

— Кто поставлял?

— Не знаю, Архип. Не по нашей части, — честно ответил он. Повернув голову в сторону Антона, он пару раз качнул головой. — Мой вам совет, парни: не связывайтесь. Геру серьезные люди толкают. Рустем по сравнению с ними мелкая моль. Такие катком переедут, не пожалеют. Живите себе, пока живётся.

— А как жить? Посоветуй, мышь подвальная, — с презрением вытолкнул Юрец. Но Костаправ не обратил на это внимания. Его ломало. Вдали от родного подвала с дозой ему было некомфортно.

— Как сможете, так и живите. Я предупредил. Остальное — дело не моё. — Он поднялся на нетвердые ноги, намереваясь быстрее покинуть это место. Но перед уходом обернулся к Юрцу и тихо проговорил: — Последний совет: прекрати под Рустема копать. Ты парень способный, верю. Но против него ты — пыль. Пока ты ему дискомфорта не доставляешь, но на мушке уже висишь. — Стукнув по столу краем зажигалки, он поставил точку в этом разговоре. Резковатым движением набросил капюшон и скрылся.

Тишина после его ухода продлилась долго. В эти минуты я приходил к неизбежной, но верной мысли — Малой сам открыл дверь в никуда. О чем думали парни я не знал, но предполагал, что о том же самом.

— Наворотил Тима, — тяжело выдохнул Антон. Имя Малого непривычно резануло по слуху. Юрец вскинул голову и посмотрел на брата. Столько злобы и ненависти в его глазах я ещё не видел.

— Оба вы виноваты. Мать угробили.

— Слушай, я в чем виноват? У меня служба.

— Оправдание себе ищешь?

— Угомонитесь, пацаны. Не хватало ещё между собой пересобачиться, — вклинился я.

— А ты что? Ты не виноват? — Юрец перевел взгляд на меня. — Если бы не твоя сраная армия, Андрей бы его не завалил!

— Пар спусти, Юрец, — голос Антона прозвучал резко. Взгляд его стал тяжёлым, в нём не читалось ни одной эмоции. С таким взглядом мы шли в бой, с таким убивали.

— Да пошли вы, — бросил Юрка, поднимаясь.

Антон проводил брата взглядом и налил по пятьдесят. Выпили не стучаясь, понимая, что эту войну мы проиграли.

Третью пили стоя, за всех пацанов, которых потеряли.

Глава 1

Как и предсказывал Старшина, я ушёл в запой. Не в тот мелкий ежедневный запойничек на войне, когда пьешь, чтобы отделаться от совести. Я ушел в самую настоящую беспробудную пьянку, чтобы к этой самой совести воззвать.

Не было её. Ни отголоска, ни эха.

Мои руки по локоть были в крови, но я не терзался муками. Когда засыпал, не видел снов. Когда вспоминал ребят, не видел перед внутренним взором их лиц. И только глядя на себя в зеркало, видел пустой и мертвый взгляд. Тогда приходило осознание, что умер я там. Выгорел изнутри. И тогда же приходил ужас. Не от того, что убивал. А от того, что мог убить ещё.

Антон через неделю уехал в Москву. Юрец так и не объявлялся. Макс заходил пару раз, но видя, куда я качусь, послал ко всем чертям и оставил наедине с бутылкой.

За месяц пьянки я стал потихоньку деградировать. Жизнь сузилась до маршрута от ларька до квартиры. Поняв, что так продолжаться долго не может, пришел к мысли вернуться обратно. Только документы уже были у Андрея и договориться с ним вновь не выйдет.

Тогда то и решил найти другой путь. И он виделся мне идеальным вариантом для избавления от пустоты.

Наведаться к Рустему показалось мне заманчивой идеей. Если уж он прикончил моего друга, то прикончить меня ему труда не составит.

Остановившись за несколько метров от входа, я окинул взглядом заброшенное здание. Лёгкий холодок прошёлся по телу, вздыбив на затылке волосы.

Сознание на миг помутнилось. Я огляделся вокруг. Ни елей, ни леса за ними. Позади нет каморки и КПП.

Мотнул головой, но наваждение так и не испарилось. Проклятое гиблое здание октагона было копией нашего барака.

Потянувшись к карману, вытащил пачку сигарет. Пустая.

Смяв её в руке, отшвырнул в сторону и двинулся вперёд, к стоящему у входа Бугатти. Резкий контраст. Либо какой-то отбитый, либо новичок. Ни один из своих не ставил здесь машину.

Приблизившись, увидел у капота какого-то щегла, держащего у уха телефон и нервно постукивающего носком кроссовка по земле. Разговаривал он вполголоса, словно чего-то опасался.

Я остановился, против воли прислушавшись к разговору.

— Лет, солнышко, послушай. Я очень сильно тебя люблю. Слышишь?... Нет, всё в порядке. Просто... Да не важно. Я хочу, чтобы ты мне верила... Да так, ни о чём. Мальщ, всё будет хорошо. Правда? Только нужно немного потерпеть...

Потеряв интерес к трёпу, положил руку на его плечо. Он вздрогнул. Обернулся. Я едва не выругался сквозь зубы. В его вздрагивании и напряжённом взгляде проскользнуло что-то знакомое. Неприятно знакомое. Невольно на ум пришло сравнение с Игнатом.

— Чего тебе? — Вытолкнул он сквозь сведённые челюсти.

— Прикурить дай.

— Не курю.

— Спортсмен?

— Тебе то что? — Взгляд его стал ещё напряжённей. Но особого страха в нём я не видел, больше неприязни. — Всё нормально, — чертыхнувшись, проговорил он в трубку. — Я перезвоню тебе.

— Да ничего, — отозвался я. Засунул руки в карманы и побрел ко входу.

Ворота оказались незаперты. Толкнув одну створку от себя, вошёл внутрь. В нос ударил запах сырости и отдаленный запах резины. Я шёл по пустому коридору, ступая мягко и тихо, прислушиваясь к звукам вокруг. Не знаю, сколько ещё должно пройти времени, чтобы искоренить из себя эту привычку бесшумного передвижения.

Толкнув последнюю дверь, застал врасплох хозяина затхлого кабинета. Рустем резко крутанулся на стуле и уставился на меня удивлённым взглядом.

— Вот так встреча, — протянул прежним сухим голосом, словно и не было этого года отсутствия. Только в уголках неприятных глаз скопились морщинки. — Неожиданно... До меня слухок дошёл, что наш король октагона на дно скатился. Запил.

— Врут, — отозвался я, подойдя вплотную к его столу. Чуть подняв глаза, посмотрел в небольшое окно, в которое минутой ранее смотрел он сам. Сквозь мутное грязное стекло силуэт мажора с Бугатти был едва различим.

— Интересный экземпляр, — заметил Рустем.

— Новый боец?

— Боец? — Алиев усмехнулся. Поднялся на ноги и встал возле меня. — У меня на его счёт другие планы. Пусть потешит пока свое самолюбие на ринге. А после боя с тобой я возьму его в оборот.

— И кто он? — Уточнил я, хотя особого интереса мажор у меня не вызывал. Уточнил так, между делом, зная, что в оборот Рустем берёт тех, кто когда-нибудь сыграет в его игре выгодную партию. Можно было бы сказать, что и я находился у него в обороте. Только после большой военной игры, Алиевская паутина перестала быть для меня значимой.

— Что ж ты, Архип, соседей своих не узнаешь? Игорь Матвеев. Сынок прокурора.

— Высоко берешь, — отозвался я, отворачиваясь от окна. Встретившись глазами с Рустемом, без особого удивления заметил, как его взгляд из смеющегося превратился в настороженный. Он понял. Не мог не понять. Все его стратегии могли полететь к чертям собачьим. Слишком большая пропасть появилась за этот год. Не осталось больше ниточек, за которые он мог меня дёргать.

Молчание затянулось. Рустем хотел что-то сказать, но решил не искушать судьбу лишней раз и вернулся к прерванному разговору.

— Сам по себе Матвеев не представляет для меня никакого интереса. Боец из него никакой. Но он пришел сюда сам, а я не привык упускать шансов, которые идут мне в руки. Ринг не для него. Нужно что-то посерьёзнее. Чтобы и хотел повернуть назад, да не смог бы.

— Не наиграешься, кукловод?

— Что ты, Архип. Игра только начинается.

— Не зарвись, Рустик. Даже самый фартовый рано или поздно проигрывает.

Он чуть прищурил веки, силясь понять, угроза это или предупреждение. Помогать я ему не стал, фраза так и повисла в воздухе.

— Мне нужен бой.

— С кем? — Уточнил Алиев, всё ещё не спуская с меня глаз.

— Всё равно.

— Пообтрепался? — Рустем понимающе улыбнулся. — Что, не сильно в наше время армия поощряет своих солдат?

— Дату назначишь или позже зайти?

— Я сам тебя найду.

В другой раз мажора из Бугатти я встретил в центре города, всего в нескольких кварталах от дома матери.

Сынок прокурора, светясь неозабоченной веселой жизнью, сидел на уличной террасе небольшого кафе в обнимку с девушкой. Лёгкий шейный платок и невесомые кудряшки развивались под потоками пронизывающего ноябрьского ветра. Мажор смотрел на нее с нескрываемым удовольствием и легонько стирал что-то с уголков ее губ. Девушка улыбалась. И в улыбке этой сквозило незнание будущего. Того будущего, которое уготовано её мажористому принцу с Бугатти.

Я тоже не знал, для чего он понадобился Рустему. Но глядя на эту идиллическую картину, которая вскоре лопнет, как мыльный пузырь, я вдруг почувствовал себя каким-то потасканным и мерзким.

Девушка скользнула по мне взглядом и я понял, что мыльный пузырь лопнул значительно раньше, чем я предполагал. Не было в ее глазах счастья. Они оставались серьезными и внимательными. Слишком резкий контраст среди мирных гражданских глаз.

Ад — это состояние души. Прав был Старшина. И у каждого свой ад.

Подмигнув пассии прокурорского отпрыска, я двинулся дальше.

— Эй, ты! Ты следишь за мной? — в голосе сквозило напряжение и предчувствие угрозы.

— Не я, так другие, — ответил я не оборачиваясь.

Идти туда, куда повели меня ноги, я не собирался, но что-то неумолимо тянуло в этот двор, вобравший в себя все отголоски моей юности. Спорт площадка, на которой я до изнеможения истязал свои мышцы, чтобы не упасть в грязь лицом на очередном соревновании. Беседка, в которой каждый вечер собиралась шумная компания друзей, в которой я сидел с Верой до поздней ночи. Не было теперь ни друзей, ни Веры. Только какая-то вымотанная женщина с орущим на руках ребенком. Мать в ней я признал не сразу.

— Нянькой подрабатываешь?

Она встрепенулась. Уставилась на меня как на привидение. Сильнее прижала ребенка к себе, словно защищая.

— Долгожданный наследник? — Я усмехнулся, бросив взгляд в сторону синей коляски. — Где родители?

— За городом, — нехотя поделилась новоиспечённая бабушка. — Как отслужил?

— Нормально.

— Слышала, пьешь.

— С кем не бывает?

— Помоги с коляской. Нам домой пора.

Мать упорно не смотрела мне в глаза, делая из меня пустое место. Ребенок заходил у нее на руках всю дорогу до квартиры. Дома начал орать ещё сильнее. Мать морщилась, шептала что-то невразумительно-ласковое, попутно скидывая обувь. Отнесла ребенка в люльку, бросилась в ванную, оттуда на кухню. Мелкий заливался во всю мощь лёгких. Мать гремела посудой.

Скинув кроссовки, прошёл в ванную. Вымыл руки и направился к ребенку. Несколько секунд тупо смотрел на орущий комок, ставший жирной красной чертой, переразавшей мою

жизнь пополам. С Верой и без Веры.

Сделав над собой усилие, все же взял его на руки.

— Ну и чего голосишь, мужик? Не враг я тебе. Не трону я твоих родителей.

Ребенок несколько раз всхлипнул и затих. Нелепо взмахнул пухлой ручкой и неожиданно улыбнулся.

— Ты зачем его взял?

Мать явилась на неожиданную тишину и замерла в проёме с бутылочкой в руках.

— Он улыбается.

— Дети в таком возрасте не улыбаются. Отдай мне его немедленно.

Не дождавшись от меня никакой реакции, подошла и выхватила ребенка из моих рук. Он попытался заорать, но она ловко заткнула его рот мутной белой смесью, плескавшейся в бутылочке. Мелкий выплюнул ее после пары глотков и вновь заголосил.

— Напугал ребенка, — укоризненно припечатала она. — Ну, давай, малыш... За папу, за маму...

— Не получится из тебя бабушки.

Она бросила на меня испепеляющий взгляд. Хотела что-то сказать, но в дверь постучали.

— Кого там ещё принесло?

Щёлкнув замком, мать поудобнее перехватила внука и открыла названному гостю. На пороге показалась взбитенькая тетя Лиза.

— Лизка. Ты чего без звонка.

— Так ты ж сама просила зайти.

— Да? Прости, Лизка. Совсем вымоталась.

— А родители где?

— Отдыхать уехали. Всучили и уехали.

— Ай, сладенький. Чего ж ты так кричишь? Бабушку совсем вымучил, — зашебетала материна подружка, справляясь с отдышкой. — Иди-ка ко мне...

Мать без колебания отдала ребенка и бутылку и удалилась на кухню. Снова загремела посуда.

— Димка! Ты что ли? — Тётка удивилась, остановившись в пороге зала.

— Я, я. Проходите, тётъ Лиз. Не кусаюсь.

— Ух, какой крепенький стал. Ни за что не узнала бы, — поделилась она, плюхаясь на диван. — Ну что там? Все спокойно в стране?

— Спокойно пока, — отозвался я, глядя как она пытается всунуть ребенку злосчастную смесь.

— Лиз, посмотри за ним. Я хоть сполоснусь пойду.

— Да иди, Алиночка. Конечно иди, — пробормотала тетя Лиза, с новым рвением впихивая соску в рот мелкого. — Новости посмотришь и жить страшно. Чего ж там только не творится! И взрывы... Ну, маленький, кушай давай...

— Дайте я попробую.

Лялька вновь перекочевала ко мне.

— Давай, мужик, ешь.

— Дениска, — подсказала тетя Лиза.

— Дэнка, значит? Ну, давай, Дэнка, бери. — Мелкий жадно вцепился деснами в соску.

— Сиотри-ка, ест! Я что говорю? И взрывы, и бомбёжка. Ужас-то какой. Говорят, что

простых ребят отправляют туда. Зелёных совсем.

Дэнка высосал полбутылки и глаза его стали слипаться. Через несколько секунд соска выпала изо рта и он уснул спокойным сном.

— В люльку положи, — между делом посоветовала тетя Лиза и продолжила: — Это что же, можно разве так? Просто брать и отправлять на войну? Чай не вторая мировая, прости Господи...

— Нельзя, тетя Лиза. Просто брать и отправлять нельзя.

— Вот и я говорю...

Поднявшись, аккуратно переложил племянника в люльку, всучил тете Лизе бутылочку и пошёл в коридор.

— Ладно, тёть Лиза. Дальше без меня справитесь.

— А ты куда? Даже чаю не попьешь?

— Дела.

— Деловой ты наш. Ну давай, удачи тебе.

Удачи. В чем? В состязании с жизнью? Тряхнув головой, выбежал во двор и лёгким бегом направился домой.

Первым делом вытащил на помойку все бутылки. Чуть помедлив, собрал в мешки все Верины шмотки и отправил вслед за бутылками.

Вытащил из шкафа старые трико и принялся за тренировку. Нагрузки с этого дня стали жёстче, удары сильнее и ловчее.

Бой, первый бой за полтора года передышки вышел чисто механическим. Истосковавшая верная публика с трепетным интересом следила за мной, а я не следил за противником. Его вес, ловкость, боевая квалификация, техника ведения боя — всё это было безразлично. Только взгляд, смеющийся и наглый, давил на нервы.

В голове вместо просчета шагов настойчиво вертелся голос почившего Старшины: "Мирных не трогать! Мирных не трогать!"

Удары, выпады рук, блоки — всё проходило мимо сознания. Срабатывали внутренние механизмы, вбитые в мозг кулаками инструкторов по рукопашке, там, у командира под боком.

Первый раунд закончился победой. Хлипкие хлопки слабо прозвучали в гробовой тишине зала.

В подсобке Рустем рвал и метал, но изо всех сил старался казаться спокойным.

— Архип, твою мать... — Выдохнул он с присвистом. — Что за концерт? Ты хоть понимаешь, что делаешь?

Сколько раз за последнее время я слышал этот вопрос? Вероятно, действительно разучился понимать. Разучился думать по-простому. Подстраиваться под разум примитивных животных.

— Это не армия, Архип. Здесь другой уклад жизни. Выйди уже из оцепенения.

— Чего ты хочешь от меня?

— Публика, Архип. Публика хочет зрелищ.

— Зрелищ?

— Да, Архип. Зрелищ. Нахрен мне терминатор с тупыми механическими действиями? Я на ставках заработаю больше, чем на тебе.

Зрелищ... Всем хочется зрелищ. Примитивный тупой инстинкт жадных до развлечений полулюдей. Кровавое побоище — лучшее из зрелищ, придуманных такими же полулюдьми.

Интересно, тому, кто устроил войну, тоже зрелищ хотелось?

— Что? Что ты на меня так смотришь?

— Скажи, Рустик, ты мне прочно белый военник обеспечил?

— Железно, Архип. Иначе нахрен мне с тобой возиться?

Взгляд задержался на нем дольше обычного, отчего Алиеву сделалось нехорошо. Глаза слегка засустились, кадык дернулся. Всё остальное выдавало в нём абсолютное спокойствие.

“ Ослабел, — отметил я про себя. — Всё бодрисься, веришь в своё всемогущество. Стареешь, голодный шакал. Собачонки твои, верные псы, однажды прочувствуют твою слабинку и перегрызут глотку...”

— Хорошо, — ответил я после заминки, не сводя с него прямого взгляда. — Будут тебе зрелища.

Рустем незаметно выдохнул, скосил взгляд на часы. Бесплезная золотая побрякушка блеснула на пухлом запястье, отбросив блик мне в глаза.

— Следующий — сынок прокурора. Поиграй для начала. Не устраивай резню. Он мне живым и здоровым нужен. Но без мысли о ринге. И физиономию сильно не портить. Жаль будет такой лакомый кусочек потерять. Понял?

— Понял, Рустем.

Понял, что ловить мне здесь нечего. Здесь не убивают своих, нужных. Разыгрывают спектакли, выстраивают интриги, планы, жизни ломают. Но не убивают. Просто так, во всяком случае. Пока ты нужен, ты будешь жить. Не важно как, но будешь.

Сынок прокурора. Игорь Матвеев. Я не знал о нем абсолютно ничего. В памяти сохранился только взгляд, брошенный им при нашей первой встрече. Страха в нем тогда практически не было, было презрение. Действительно ли он так плох, как предположил Рустем?

В центр ринга мы шагнули одновременно. Он встал в стойку. Не совсем верную, рука была на несколько сантиметров ниже положенного и открывала его челюсть для удара. Ноги остались прямыми, хотя должны быть слегка согнуты в коленях. Эти мелкие огрехи могли стоить ему многого, но все они перестали быть для меня значимыми, стоило лишь посмотреть ему в глаза. В них планомерно разливалась ярость и решимость, лишь где-то в глубине плескалась толика страха.

Голос рефери четко отгремел в стороне. Я сделал шаг назад, позволяя ему напасть первым.

Уже с первого своего выпада он мог завалиться мертвым грузом под мои ноги. Но, помня просьбу Рустема, пришлось усмирить искушение и дать Матвееву возможность проявить себя снова.

Этот цирк продолжался вплоть до того момента, пока он не открыл рот.

— Ослабел что ли, сучонок? Или переживаешь, что меня вынесут так же, как и Малого? Бойся, шакал, за шкуру...

Его челюсть хрустнула, оставив фразу без продолжения. Матвеев рухнул, а мой мозг заволкло пеленой слепой ярости. Её не стряхнуло с меня ни кровью оппонента, ни брызгами воды в лицо, ни холодом подсобки. Она накатывала горячими толчками и лишала рассудка.

Хлопок иглы в сонную артерию застал меня врасплох. Костоправ стоял напротив и внимательно смотрел на меня своими суженными зрачками. Спустя пару секунд красные вспышки перед глазами рассеялись. Я медленно осел на пол и поплыл.

Отголосками разума понимал, что это бред, но выдержать себя из него не хватало сил. Я стоял посреди занесенной снегом дороги и смотрел на постовую будку у КПП. Там, на ступенях, сидели Серёга и Антон. Смотрели на меня с улыбками, словно были рады неожиданной встрече. Тяжёлая рука, опустившаяся на плечо, не дала сделать шагу в их сторону.

— Стой на месте, Архип, — донёсся до меня хриплый голос Сёмыча. — Это не твоё время.

— Пусти.

— Рано тебе, — отозвался он и со всей силы толкнул меня вперёд. Я упал на землю, оцарапав щеку о мерзлый снег. Раздался выстрел, затем второй. Приподняв голову, увидел лежащих на ступенях парней.

Я знал, что снайпер скрылся за елями. Знал, что СВД его заклинит в самый последний момент. Знал, что это бессмысленно, но всё равно бросился следом. Лапистые ели, сугробы, спина в белой камуфляжке. Нож и податливое, словно масло, тело. Кровь. Много крови.

Всё повторилось вновь. Танки на поле. Молчащая рация. Разгромленный барак и все наши в нём. Тело Сёмыча с открытыми глазами. Только в этот раз они смотрели не в небо. Они смотрели на меня.

Я очнулся от собственного крика и уставился в потолок своей спальни. Тело пробивала дрожь. Виски давило. Во рту пересохло. Я лежал, слушая стук своего сердца и не мог пошевелиться. Руки и ноги словно сковало льдом. Льдом дикого и безрассудного сна, в котором навсегда поселился мой персональный ад.

Спустя несколько дней на меня вышел один из доверенных Вардана. Отличаясь немногословностью, всунул мне в руки билет и коротко пересказал поручение Шайтана явиться к нему в срочном порядке.

Может, так даже лучше, подумал я про себя, тем же вечером регистрируюсь на рейс до Костаная.

Уже сойдя с трапа, вдохнул сухой морозный воздух и усмехнулся сам себе: год назад я осознанно уходил от смерти, сейчас же летел к ней на всех парах.

На такси добрался до дома Вардана за час. Постучал в железные ворота и принялся ждать. Никакого ответа. Постучал вновь.

Спустя минут пять лязгнул замок и ворота слегка приоткрылись. С той стороны на меня смотрел Алик.

— Архип?

Высунувшись на улицу, он осмотрелся по сторонам и пропустил меня во двор. Запер ворота и кивнул мне на дом.

Войдя внутрь я застал Шайтана. Он сидел в зале за низким восточным столом и пил чай.

— Приятного аппетита, — бросил я, стаскивая обувь.

— Асалаум агалейкум, Архип, — произнес он, поднимаясь на ноги. — Рад видеть.

— Не скажу, что взаимно. Но и тебе привет, Вардан.

Я пожал его ладонь, автоматически отметив, что она стала ещё суше и тоньше, чем я её запомнил.

— Присаживайся, Архип. Не откажи старику разделить с ним трапезу. — Он ненастойчиво подтолкнул меня к столу. Голода я не испытывал, но принял его предложение. Разговор по-любому не начнется до тех пор, пока Шайтан не закончит свой ужин. Такая традиция — за едой никаких деловых разговоров.

За всё время, что мы провели за столом, Вардан не сводил с меня глаз. Я это чувствовал даже не поднимая на него взгляда. Он изучал. И изучал очень внимательно. Алик, переняв его настроение, немного напрягся, но враждебности от них я не испытывал. Скорее ожидания.

— Так что ты хотел? — Поинтересовался я, когда Шайтан отставил в сторону свою пиалу.

— Так, небольшую услугу. Раз уж ты снова в деле, грех не воспользоваться... — Вардан сощурил глаза и проторбил меня прямым взглядом, силясь заглянуть в моё нутро. Что он мог там увидеть, если я сам там не вижу ничего? Пустота. Липкая, гниющая пустота.

— И что от меня требуется? — Уточнил, так и не дождавшись продолжения.

— То же, что и всегда. Бить четко, стоять прямо. Выиграть.

— А если проиграю?

— Не проиграешь. Я вышел на серьезных людей, Архип. Нужно показать себя...

— Кому нужно? — Перебил я на полуслове, выудив из порядком измятой пачки сигарету. Прикурил, не глядя на протестующий взгляд Алика, и выдохнул плотную струю дыма к потолку.

— Мне нужно, — бескомпромиссно отчеканил Вардан, поморщившись от дыма. —

Астана — другой уровень. Там дяди серьёзной. И пустословов там не жалуют. Без всяких "если".

Скривив уголок рта, я внимательно посмотрел в глаза своему собеседнику. Сделал затыжку, не отводя от него взгляда.

— Я слышал, как прошёл твой первый бой. Сколько он продлился? Пол раунда? — Я пожал плечами в ответ. — Это то, что мне от тебя нужно. Играть, развлекать публику — не стоит. Меня устроит и тот дикий голодный зверь, что в тебе живёт.

— Когда?

— Завтра. А теперь иди, отдохни. Поздно уже, — наконец вынес Шайтан. — Утром поговорим. Комнату найдешь?

— Разберусь.

Я вышел, прикрыв дверь. Остановился у косяка и прислушался. Молчание длилось с минуту. И наконец Алик заговорил:

— Что ты собираешься делать?

— Мы. Мы, Алик, собираемся делать то, что задумали.

— Рано, Шайтан.

— Куда уж тянуть? Ты посмотри на него. Не сегодня — завтра он пустит пулю себе в висок.

— Біз көктемде жоспарладық.¹

— Біз жоспарладық... Не планировать надо, а делать. Сейчас или никогда.

— Тәуекел үлкен.²

— Кто не рискует, тот долго не живёт. И хватит об этом, Алик.

Бесшумно отойдя от двери, я пошёл прямо по коридору. Поднялся на второй этаж и вошёл в комнату, в которой ночевал в прошлый свой приезд. Не потчевал Шайтан своих гостей. В комнате кроме курпачей не было больше ничего.

Не голый пол, правда. И на том спасибо.

Несмотря на позднее время, уснуть не получалось. Обостренные до предела инстинкты сейчас молчали. Я не чувствовал ни враждебности, ни радушия от Шайтана. Ровным счётом ничего. Не знал даже правильно ли делаю ставку.

Вардан решил навариться по полной. Да с него и спрос невелик. Не это должно меня мучить сейчас.

Только фокус в том, что не мучило меня вообще ничего. Просто навалилась смертельная усталость.

Бой в Астане вышел на уровне. Именно на том уровне, который мне и был нужен. В какой-то момент, когда противник ловко извернулся от моего удара и перекочевал ко мне за спину, я уже готов был встретить свою долгожданную костлявую с косой. Клянусь, останавливать его я и не думал. Даже тогда, когда он с силой сдавил мою глотку. Несмотря на гневно поджатые губы Вардана и нервное покачивание ногой Алика. Я просто отпустил ситуацию, плавно погружаясь в забвение. Уже будучи в полуобморочном состоянии в мозгу что-то щелкнуло и всё пошло не по заданному мною сценарию.

Именно в тот момент, когда оппонент поверил в свою победу и ослабил хватку, я сделал поверхностный вдох и одним рывком с локтя пробил ему точный в солнышко. Рука так и не успела сползти с моей шеи, я взял её на излом. Все звуки вокруг меня резко стихли, я слышал только его судорожные хрипы и хруст сустава. Больше ничего сделать не успел, рефери

подоспел вовремя. Взметнул мою руку вверх под одобряющий гомон толпы и заголосил в микрофон.

Уже в поезде, отрешённо прокручивая в мозгу каждый свой шаг, понял, что перемкнуло меня неспроста. Было уже это смертельное удушье, была уже такая рука на моей глотке.

Была...

Чёрт возьми, там она была, на рукопашке у Командира.

Приложившись затылком о стену купе, я до боли сжал челюсти, чтобы не завывать в голос.

Чёрт. Чёрт. Чёрт!

Похоже, я попал в западню...

1 Мы планировали весной.

2 Риск велик.